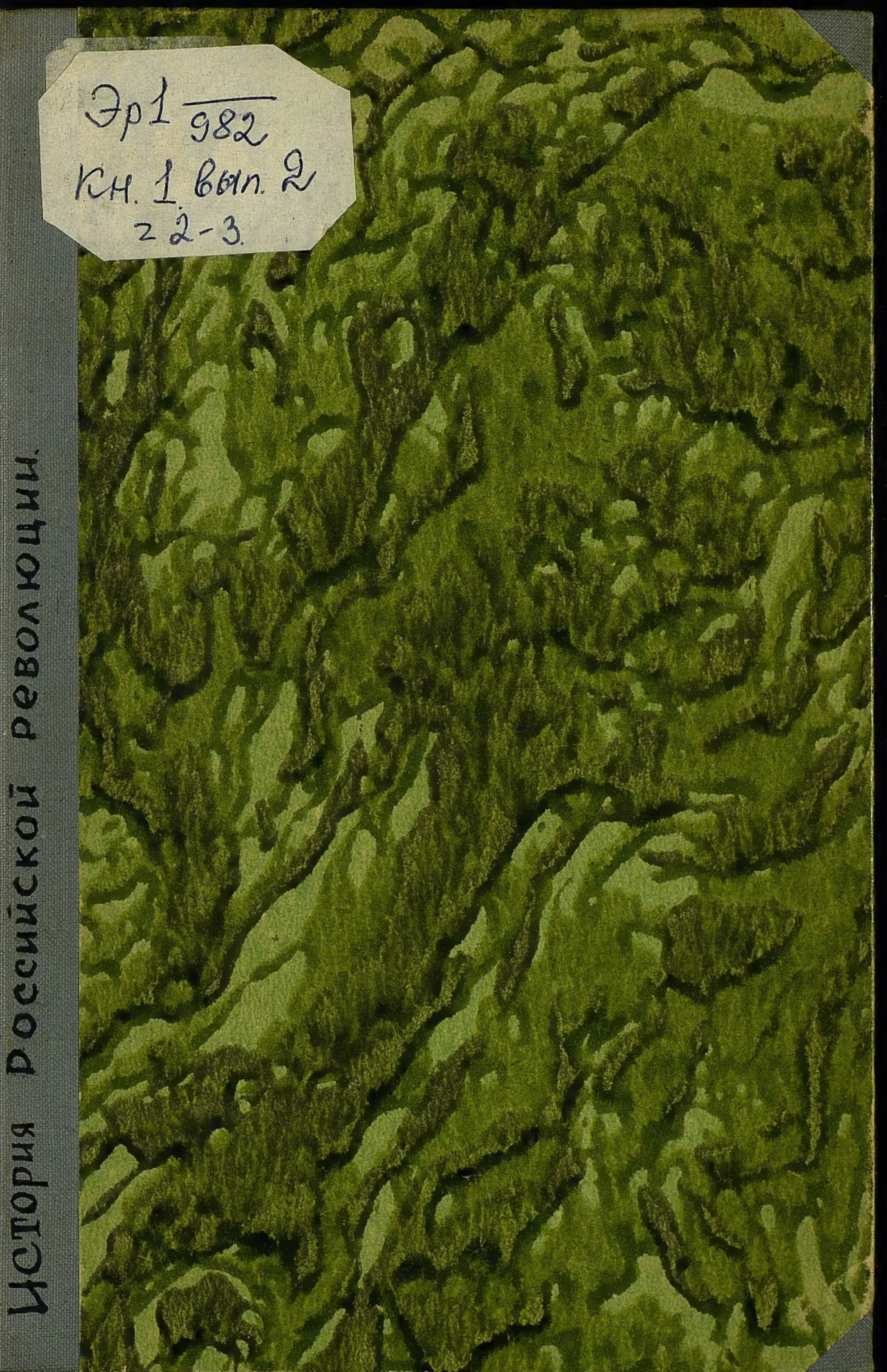
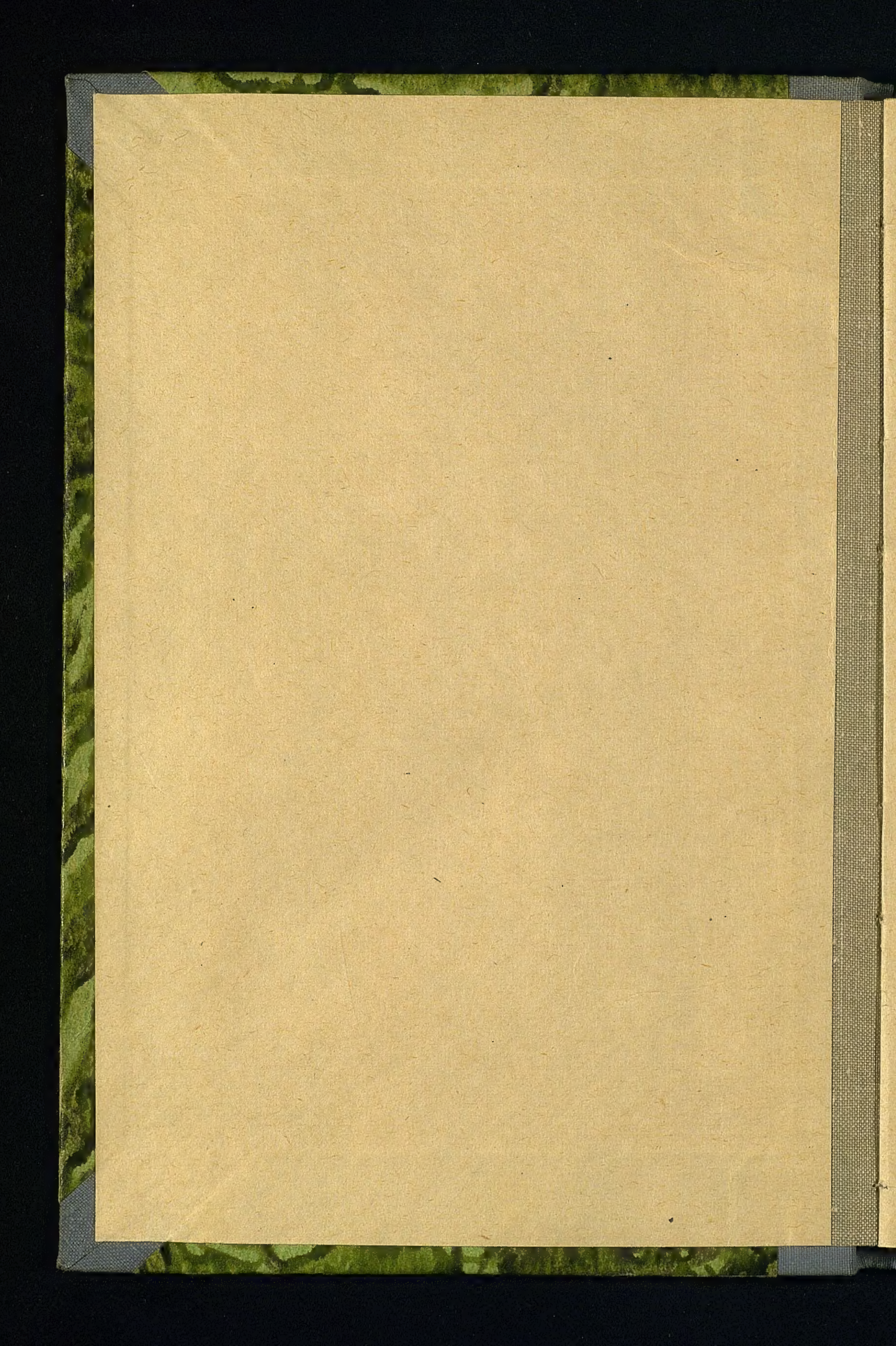

Эр1 982
Кн. 1 вып. 2
22-3.
История российской революции.

ВЫПУСКЪ 2-й

П. З. КРАЧКЕВИЧЪ.
(АЛЬФА)

ЭР1 982
1-й экз. осн. фон.

ИСТОРІЯ РОССІЙСКОЙ РЕВОЛЮЦІИ.

(ЗАПИСКИ ОФИЦЕРА-ЖУРНАЛИСТА)

1914—1920.

Книга I. Вып. 2

ТРАГЕДІЯ русской интеллигенціи

въ 10 част.

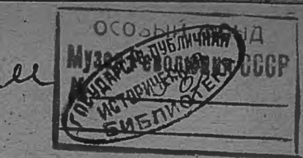
Тип. „Т-ва С. ЛАПИНЪ съ С-ми“ Гродно. Александр. 46.

Dozwolone przez cenzurę 26 kwietnia 1921

Дозволено цензурой 26 апрѣля 1921 г.

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
11716
БИБЛИОТЕКА МУЗЕЯ РЕВОЛЮЦИИ С.С.С.Р.
ПОГАШЕНО
ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА РСФСР
33437 1992 г.

Въ моментъ наступленія на Петроградъ ген. Корнилова, мнѣ пришлось быть въ Москвѣ. Древняя столица въ эти дни жила исключительно политикой, „сводкой“ и ген. Корниловъ былъ кумиромъ; ему вѣрили и надѣялись, что онъ водворитъ въ странѣ должный порядокъ и спокойствіе. О большевикахъ въ Москвѣ мало еще кто зналъ, паденія же власти Вр. Правительства большинство ждало съ нетерпѣніемъ и съ нескрываемымъ удовольствіемъ. Стоило только тогда активно выступить русской интеллигенціи на улицахъ Москвы, выразить свой протестъ и недовѣріе Вр. Правительству, поддержать морально и физически ген. Корнилова и, пожалуй, ни Октябрскаго переворота, ни большевизма, ни гражданской войны въ Россіи не случилось-бы. И какъ ни странно, несмотря на рядъ трагическихъ переживаній, русская интеллигенція не только не возвысила тогда своего голоса, но и продолжала оставаться преступно инертной и къ себѣ самой и ко всѣмъ происходившимъ въ то время политическимъ событіямъ. Большинство вожаковъ политическихъ партій, на которыхъ были обращены всѣ взоры трудовой интеллигенціи и отъ которыхъ жадно ожидали разрѣшенія наболѣвшихъ вопросовъ, безмолвствовали, никто изъ нихъ не дерзнулъ поднять, возвысить своего голоса такъ, чтобы дѣйствительно его услышали, главное пошли за нимъ; офицеры же, ничему еще къ тому времени не научившіеся, да и безъ надлежащихъ средствъ къ активному выступленію, объявили себя „аполитичными“... Русская интеллигенція, такимъ образомъ, не только не поддержала ген. Корнилова, но и фактически была невольнымъ соучастникомъ его пораженія.

О реальныхъ причинахъ катастрофы ген. Корнилова подъ Петроградомъ говорить не приходится. Это настолько „темная“ исторія, вѣрнѣе „дипломатическій“ маневръ правящихъ въ то время классовъ—„героевъ“ революціи, которые требуютъ слѣдствія и суда. Во всей этой „исторіи“ болѣе всего замѣшанъ А. Керенскій и, якобы страдавшій въ то время „приступомъ психоза“, б. членъ Гос. Думы Н. Львовъ. Не говоря о массовыхъ жертвахъ съ обѣихъ сторонъ (фактически перваго вооруженнаго выступленія „бѣлыхъ“), слѣдуетъ отмѣтить героическую смерть ген. Крымова, покончившаго жизнь самоубійствомъ. Ген. Крымовъ, командовавшій кавалерійскими частями наступавшими на Петроградъ, послѣ личныхъ переговоровъ съ А. Керенскимъ, не желая быть въ дальнѣйшемъ невольнымъ свидѣтелемъ позора Арміи, волею

рока ставшей забавой, игрушкой въ рукахъ „пѣвцовъ“ русской революціи, счелъ для себя болѣе достойнымъ сложить оружіе и честно погибнуть, чѣмъ „творить“ на довѣріи и темнотѣ массъ, фантастическія начала государственнаго правопорядка. Смерть ген. Крымова вызвала среди офицеровъ и мыслящей интеллигенціи неудовольствія по адресу Вр. Правительства и съ того момента впервые стали наблюдаться работы по объединенію интеллигенціи и подготовительныя дѣйствія ихъ на случай вооруженнаго выступленія.

Подчеркиваю „мыслящей“ интеллигенціи потому, что въ дѣйствительности русская интеллигенція, въ большинствѣ случаевъ, заручившись дипломомъ, обыкновенно была инертной, апатичной, безучастной зрительницей къ общественной жизни страны, а тѣмъ болѣе, къ политической ея жизни. Лишь небольшіе круги русской интеллигенціи были соучастниками въ государственномъ строительствѣ страны (и то по наслѣдству, или по родственной линіи), а остальные шли на поводу у представителей власти, нерѣдко даже не отдававшихъ себѣ отчета въ происходившемъ. Стоитъ только припомнить „мобилизацію“ силъ въ высшія правительственныя учрежденія, назначенія своего рода „отвѣтственныхъ“ работниковъ на территоріи всей Россіи—губернаторовъ, чиновниковъ, въ различныя вѣдомства высшихъ сановниковъ, а тамъ по протекціи ихъ и другихъ вельможъ, политиканствовавшихъ въ кулуарахъ сѣверной столицы, сынковъ, племянниковъ, крестниковъ, и пасынковъ, присосавшихся тогда-же къ различнымъ министерствамъ и управленіямъ, и ярко обрисуется картина того засасывавшаго „гнилого болота», которое въ дѣйствительности и было главной причиной развала страны. Революція со всѣми ея приливами и отливами естественно не могла не отразиться катастрофически на всей правящей интеллигенціи; традиціонное же „авось и небось“, полное отсутствіе къ созидательному творчеству въ широкомъ масштабѣ, несговорчивость, недовѣріе, замкнутость, недисциплинированность, нерадѣніе не только о странѣ и народѣ, но и нерѣдко и о самихъ себѣ, медленно, но вѣрно, атрофировали жалкіе остатки самодѣятельности и инціативы у всѣхъ тѣхъ, кто еще не потерялъ способности забавиться „мудреными“ вопросами на выборахъ, или въ салонахъ какой-либо вдовствующей генеральши (а такіе въ дѣйствительности всегда находились у любителей „словесности“), или „на субботникахъ“ въ собраніяхъ и клубахъ, гдѣ спичи, тосты,

никогда не уходили далѣе темъ на городскія сплетни, и по вопросамъ „культурнаго" характера, причемъ послѣдніе такъ и остались неразрѣшенными вплоть до Февральской революціи.

— „Все наладится, образумится! Какая тамъ республика съ нашимъ непросвѣщеннымъ народомъ?!"—аргументъ, который всегда можно было услышать въ „дѣловыхъ" кабинетахъ—„вершителей" судебъ царской Россіи.—«Россія не разъ переживала смутное время, переживетъ и теперь. Есть ещё порохъ въ пороховницахъ. Бывшіе жандармы, полиція и сыскъ съумѣютъ еще постоять за себя, сказать свое послѣднее слово!. А всѣ тѣ, кто сжился, сроднился съ идеей монархизма; всѣ тѣ, кто милостью царской былъ всегда въ почетѣ и славѣ; всѣ тѣ, кто тѣсно связанъ громкими именами съ бывшимъ строительствомъ страны, развѣ они заживо похоронятъ себя и не дадутъ еще себя почувствовать тѣмъ, кто „явочнымъ" порядкомъ захватилъ власть въ свои руки?!"

Какъ же реагировала до Корниловскаго выступленія та часть русской интеллигенціи, которая волею рока должна была или крѣпко держать въ рукахъ свое достойное оружіе—мысль, разумъ, т. е. пойти противъ теченія „безкровной" революціи, или же окончательно проститься съ культурной работой въ родной странѣ и перейти въ лагерь тѣхъ, идеалы которыхъ были—„съ корнемъ вырвать все буржуазное", а на смѣну ему создать новую, „лучшую" страницу въ міровой жизни народовъ—„пролетарскую" культуру? Одна часть интеллигенціи безмолвствовала, другая—брюзжала, но все же терпѣливо переносила превратности судьбы, большая же часть „аклиматизировалась» и всячески старалась оправдать себя и въ собственныхъ глазахъ и въ глазахъ общества, оставаясь тогда, да и впослѣдствіи на своихъ насиженныхъ мѣстахъ при всякихъ правительствахъ. Такихъ „безпартійныхъ" можно и понынѣ встрѣтить не только въ Совѣтской Россіи, но и среди русскихъ эмигрантовъ, влачащихъ свое полужалкое существованіе на всемъ земномъ шарѣ...

И только небольшая горсть честной, здоровой, идейной молодежи, часть лучшихъ сыновъ страны—общественныхъ, государственныхъ и военныхъ дѣятелей, глухо волновались, нервничали и нерѣдко голосъ ихъ, правда, почти незамѣтный въ массѣ, все же будилъ умы и предостерегалъ народъ, страну отъ неминуемой катастрофы, если только „революція", вѣрнѣе, революціонный шквалъ, будетъ продолжать оста-

ваться такимъ же порывистымъ, безудержнымъ, а самъ народъ не приметъ должныхъ мѣръ къ локализаціи все болѣе и болѣе разроставшагося пожара, въ связи съ прогрессивно увеличившимися революціонными «требованіями“ народныхъ массъ, давно уже вышедшихъ изъ предѣловъ возможнаго, необходимаго и должнаго.

Аграрные безпорядки, волненія на фабрикахъ и заводахъ, кончавшіеся зачастую массовыми человѣческими жертвами, стали уже обыденнымъ явленіемъ и, какъ ни странно, мало тревожили „пролетарскіе“ умъ и сердца у революціонной „демократіи“, съ закрытыми глазами углублявшей „революцію“, въ то же время какъ лучшая часть интеллигенціи съ ужасомъ и съ содроганіемъ сердца прислушивалась къ событіямъ и съ трепетомъ смотрѣла въ будущее, на то самое восходящее „демократическое солнце“, о которомъ такъ еще недавно сказочно и красиво лепетали „герои“ народа—шаловливые дѣти своей отчизны, стяжавшіе себѣ мимолетную славу „нечеловѣческими“ словами.

— „Товарищи! Я долженъ сдѣлать вамъ сообщеніе чрезвычайной важности (не изъ „Ревизора“, нѣтъ!)—характерная рѣчь А. Ф. Керенскаго въ Совѣтѣ Рабочихъ Депутатовъ въ Петроградѣ 1-го марта 17 г. (Изъ полуоффиц. органа Вр. Правит. „Извѣстія“ № 6—7; привожу полностью)

— „Товарищи, довѣряете-ли вы мнѣ? Въ настоящій моментъ образовалось временное правительство, въ которомъ я занялъ постъ министра юстиціи. Товарищи, я долженъ былъ дать отвѣтъ въ теченіи пяти минутъ и потому не имѣлъ возможности получить вашъ мандатъ до рѣшенія моего о вступленіи въ составъ временнаго правительства. Въ моихъ рукахъ находились представители старой власти, и я не рѣшался выпустить ихъ изъ своихъ рукъ (возгласы: „правильно»). Я принялъ сдѣланное мнѣ предложеніе и вошелъ въ составъ вр. правительства въ качествѣ министра юстиціи. Немедленно, по вступленіи на постъ министра, я приказалъ освободить всѣхъ политическихъ заключенныхъ и съ особымъ почетомъ препроводить изъ Сибири сюда, къ намъ, нашихъ товарищей-депутатовъ, членовъ соціалъ-демократической фракціи IV Думы, депутатовъ II Думы. Освобождаются всѣ политическіе заключенные, не исключая и террористовъ. Я занялъ постъ мини-

стра Юстиціи до созыва Учред. Собранія, которое должно будетъ, выражая волю народа, установить будущій государственный строй (бурные аплодисменты). До этого момента будетъ гарантирована полная свобода пропаганды и агитаціи по поводу формы будущаго государственнаго устройства Россіи, не исключая и республики.

Въ виду того, товарищи, что я принялъ на себя обязанности министра юстиціи до полученія отъ васъ на это полномочій, я слагаю съ себя званіе товарища предсѣдателя Совѣта Рабочихъ Депутатовъ. Но для меня жизнь безъ народа немыслима, и я вновь готовъ принять на себя это званіе, если вы признаете это нужнымъ. (просимъ!) Товарищи, войдя въ составъ времен. правительства, я остался тѣмъ же, кѣмъ же, кѣмъ былъ— республиканцемъ. Въ своей дѣятельности я долженъ опираться на волю народа. Я долженъ имѣть въ немъ могучую поддержку. Могу-ли я вѣрить вамъ, какъ самому себѣ? („вѣримъ"). Я не могу жить безъ народа, и въ тотъ моментъ, когда вы усомнитесь во мнѣ,—убейте меня. Я заявлю врем. правительству, что я являюсь представителемъ демократіи, но что временное правительство должно особенно считаться съ тѣми мнѣніями, которыя я буду отстаивать въ качествѣ представителя народа, усиліями котораго была свергнута старая власть. Товарищи, время не ждетъ. Я призываю къ организаціи, дисциплинѣ, прошу васъ поддержать насъ, вашихъ представителей, готовыхъ умереть во имя интересовъ народа и отдавшихъ ему всю свою жизнь. Я полагаю, что вы не осудите меня и дадите мнѣ возможность осуществить всѣ необходимыя гарантіи свободы (?) до созыва Учредит. Собранія. Товарищи! Позвольте мнѣ вернуться къ временному правительству и объявить ему, что я вхожу въ его составъ съ вашего согласія, какъ вашъ представитель.

Какъ же реагировали на это представители „мозга" страны, партія кадетовъ, партія большинства русской интеллигенціи? На „нечеловѣческія" слова „законнаго представителя народа, лидеръ партіи народной свободы П. Н. Милюковъ, со спискомъ новыхъ министровъ въ рукахъ, тогда-же обратился къ собравшимся морякамъ, солдатамъ и гражданамъ въ Екатерининскомъ залѣ со слѣдующей рѣчью: (привожу, какъ имѣющую историческое значеніе, тоже полностью).

— „Мы присутствуемъ при великой исторической минутѣ. Еще три дня тому назадъ мы были

скромной оппозиціей, а русское правительство казалось всесильнымъ. Теперь это правительство рухнуло въ грязь, съ которой сроднилась, а мы и наши друзья слѣва выдвинуты революціей, арміей и народомъ на почетное мѣсто членовъ перваго русскаго общественнаго кабинета (шумные аплодисменты). Какъ могло случиться это событіе, казавшееся еще такъ недавно невѣроятнымъ? Какъ произошло то, что русская революція, низвергнувшая навсегда старый режимъ, оказалась чуть-ли не самой короткой и самой безкровной изъ всѣхъ революцій, которыя знаетъ исторія.

Это произошло потому, что исторія не знаетъ и другого правительства, столь глупаго, столь безчестнаго, столь трусливаго и измѣнническаго, какъ это нынѣ низвергнутое правительство, покрывшее себя позоромъ и лишившее себя всяческихъ симпатій и уваженія, которыя связываютъ всякое сколько-нибудь сильное правительство съ народомъ.

Правительство мы свергли легко и скоро. Но это еще не все, что нужно сдѣлать. Остается еще половина дѣла—и самая большая. Остается удержать въ рукахъ эту побѣду, которая намъ такъ легко досталась. Какъ сдѣлать это? Отвѣтъ простъ и ясенъ. Намъ нужно организовать побѣду, а для этого прежде всего надо сохранить то единство воли и мысли, которое привело насъ къ побѣдѣ. Между нами членами теперешняго кабинета, было много старыхъ и важныхъ споровъ и разногласій. Быть можетъ скоро эти разногласія станутъ важными и серьезными, но сегодня они блѣднѣютъ и стушевываются передъ той общей и главной задачей, которая еще не разрѣшена вполнѣ: задачей— создать новую народную власть на мѣстѣ той старой, упавшей. Будьте же и вы едины въ достиженіи этой цѣли, какъ едины мы. Будьте едины въ устраненіи политическихъ споровъ, быть можетъ и важныхъ, но сегодня могущихъ еще вырвать изъ нашихъ рукъ плоды побѣды. Будьте едины и вы, солдаты и офицеры великой и славной русской арміи, и помните, что армія сильна своимъ внутреннимъ единствомъ: потерявшая это единство и раздробленная, она обращается въ безпорядочную толпу и всякая горсть вооруженныхъ организованныхъ людей можетъ взять ее голыми руками. Сохраните же это единство для себя и для насъ и покажите, что послѣ того, какъ мы такъ легко свергнули безсильную старую власть, первую общественную власть, выдвинутую народомъ, не такъ легко будетъ низвергнуть. (аплодисменты). Я знаю,

были грѣхи въ прошломъ и отношенія въ старой арміи зачастую основывались на крѣпостномъ началѣ. Но теперь ваше офицерство слишкомъ хорошо понимаетъ, что надо беречь и уважать въ нижнемъ чинѣ чувство человѣческаго и гражданскаго достоинства. А одержавшіе побѣду солдаты также хорошо знаютъ, что довершить ее и сохранить въ своихъ рукахъ она можетъ только сохранивъ связь со своимъ офицерствомъ (шумные и продолжительные аплодисменты и возгласы изъ рядовъ слушателей). Я слышу меня спрашиваютъ: кто васъ выбралъ? Насъ никто не выбралъ, ибо, если бы мы стали дожидаться народнаго избранія, мы не могли-бы вырвать власти изъ руки врага. Пока мы спорили-бы о томъ кого выбрать, врагъ успѣлъ-бы организоваться и побѣдить и васъ, и насъ. Насъ выбрала русская революція (шумные аплодисменты). Такъ посчастливилось, что въ минуту, когда ждать было нельзя, нашлась такая кучка людей, которая была достаточно извѣстна народу своимъ политическимъ прошлымъ и противъ которой не могло быть и тѣни тѣхъ возраженій, подъ ударами которыхъ пала старая власть. Но мы слишкомъ хорошо помнимъ, что сами мы еще недавно защищали начало отвѣтственности власти передъ народными избранниками и мы не сохранимъ этой власти ни минуты послѣ того, какъ свободные избранные народомъ представители скажутъ намъ, что они хотятъ на нашихъ мѣстахъ видѣть другихъ людей, болѣе заслуживающихъ ихъ довѣрія. (рукоплесканія). Повѣрьте, господа, власть берется въ эти дни не изъ слабости власти. Это не награда и не удовольствіе, а заслуга и жертва (шумныя рукоплесканія). И какъ только намъ скажутъ, что жертвы эти больше не нужны народу, мы уйдемъ. Но мы не отдадимъ этой власти теперь, когда она нужна, чтобы закрѣпить побѣду народа, упавшая изъ нашихъ рукъ она можетъ достаться только врагу (рукоплесканія. Возгласы: «Кто министры? для народа не можетъ быть тайнъ“). Эту тайну вся Россія узнаетъ черезъ нѣсколько часовъ и, конечно, не для того мы стали министрами, чтобы скрывать въ тайнѣ свои имена. Я вамъ скажу ихъ сейчасъ. Во главѣ нашего министерства, мы поставили чиновника, имя котораго означаетъ организованную русскую общественность (крики—„цензовую“), такъ непримиримо преслѣдовавшуюся старымъ правительствомъ. Кн. Г. Е. Львовъ, глава русскаго земства (крики: „цензового“) и будетъ нашимъ премьеромъ

и министромъ внутреннихъ дѣлъ, который замѣститъ своего гонителя. Вы говорите „цензовая“ общественность, да, но единственная организованная, которая даетъ потомъ возможность организоваться и другимъ слоямъ русской общественности (рукоплесканія). Но, господа, я счастливъ сказать вамъ, что и общественность нецензовая тоже имѣетъ своего представителя въ нашемъ министерствѣ. Я только что получилъ согласіе моего товарища А. Ф. Керенскаго занять постъ въ первомъ русскомъ общественномъ кабинетѣ (бурныя рукоплесканія). Мы безконечно рады были отдать въ вѣрныя руки этого общественнаго дѣятеля то министерство, въ которомъ онъ отдастъ справедливое возмездіе прислужникамъ стараго режима, всѣмъ этимъ Штюрмерамъ и Сухомлиновымъ (рукоплесканія). Трусливые герои дней, прошедшихъ на вѣки по волѣ судьбы окажутся во власти не Щегловитовской юстиціи, а министерства юстиціи А. Ф. Керенскаго (бурныя рукоплесканія, крики). Вы хотите знать другія имена (крики—„а вы“?) Мнѣ, мои товарищи поручили взять руководство внѣшней политикой (бурныя и продолжительныя рукоплесканія, возрастающія въ оваціи оратору, который кланяется во всѣ стороны). Быть можетъ, на этомъ посту я окажусь и слабымъ министромъ, но я могу обѣщать вамъ, что при мнѣ тайны русскаго народа не попадутъ въ руки нашихъ враговъ (бурныя и продолжительныя рукоплесканія). Теперь я скажу вамъ имя, которое, я знаю, возбудитъ здѣсь возраженія. А. И. Гучковъ былъ намъ политическимъ врагомъ (крики „другомъ“!) въ теченіи всей жизни Гос. Думы. Но, господа, мы теперь политическія друзья, да и къ врагу надо быть справедливымъ. Вѣдь Гучковъ въ 3-ей Думѣ приступилъ къ переустройству русской арміи, да еще деморализованной манчжурской неудачей, и онъ положилъ первый камень той побѣдѣ, съ которой наша обновленная и возрожденная армія выйдетъ изъ настоящей великой борьбы. Мы съ Гучковымъ люди разнаго типа. Я—старый профессоръ, привыкшій читать лекціи, а Гучковъ—человѣкъ дѣйствій. И вотъ теперь, когда я въ этой залѣ говорю съ вами, Гучковъ на улицахъ столицы организуетъ нашу побѣду (рукоплесканія). Что-бы сказали вы, если-бы вмѣсто того, чтобы разставлять войска вчера ночью на вокзалахъ, къ которымъ ожидалось прибытіе враждебныхъ перевороту войскъ, пришлось принять участіе въ вашихъ политическихъ преніяхъ, а

враждебныя войска, занявши вокзалъ, заняли-бы улицы, а потомъ и эту залу? Что сталось-бы тогда съ вами и со мною (возгласы, одобренія: крики „вѣрно". Вопросъ: „А морской министръ?!"). Постъ морского министра, пока мы подыщемъ достойную кандидатуру, мы также оставимъ въ рукахъ Гучкова. Далѣе, мы дали два мѣста представителямъ той либеральной группы русской буржуазіи, которые первые въ Россіи попытались организовать общественное представительство рабочаго класса. (рукоплесканія, крики: „гдѣ оно"?). Господа, это сдѣлало старое правительство. А. И. Коноваловъ помогъ организоваться рабочей группѣ въ петроградскомъ военно-промышленномъ комитетѣ, а М. И. Терещенко сдѣлалъ то же самое относительно (пропускъ). Да, господа, это имя, которое громко звучитъ на югѣ Россіи. Россія велика и трудно вездѣ знать всѣхъ нашихъ лучшихъ людей... Г.г., въ эти дни, когда продовольствіе арміи является серьезнымъ вопросомъ, когда старое правительство довело почти до края бездны нашу Родину и каждая минута промедленія грозитъ гдѣ-нибудь голоднымъ бунтомъ, которые уже начались, въ такое время мы назначили министромъ земледѣлія А. И. Шингарева, которому, мы думаемъ, обезпечена та общественная подержка, отсутствіе которой обезпечило провалъ г. Риттиха (бурныя и продолжительныя рукоплесканія. Вопросъ: „а пути сообщенія"?). На этотъ другой, важный для нашей Родины постъ, мы выдвинули Н. В. Некрасова, товарища предсѣдателя Гос. Думы, особенно любимаго нашими лѣвыми товарищами... (оживленныя рукоплесканія). Ну, вотъ кажется почти все, что васъ можетъ интересовать... (вопросъ: „а программа?"). Я очень жалѣю, что въ отвѣтъ на этотъ вопросъ не могу прочесть вамъ бумажки, на которой изложена эта программа. Но дѣло въ томъ, что единственный экземпляръ программы, обсужденный вчера въ длинномъ ночномъ совѣщаніи съ представителями Совѣта Рабочихъ Депутатовъ, находится сейчасъ на окончательномъ разсмотрѣніи ихъ. И я надѣюсь, что черезъ нѣсколько часовъ вы объ этой программѣ узнаете. Но, конечно, я могу и сейчасъ сказать вамъ важнѣйшіе пункты... (шумъ, громкіе крики: „а династія?..."). Вы спрашиваете о династіи. Я знаю напередъ, что мой отвѣтъ не всѣхъ васъ удовлетворитъ, но я его скажу. Старый деспотъ доведшій Россію до полной разрухи, добровольно откажется отъ престола или будетъ низложенъ. (рукоплесканія)... Власть перейдетъ къ ре-

генту, Великому Князю Михаилу Александровичу... (продолжительный шумъ, рукоплесканія, снова шумъ)... Наслѣдникомъ будетъ Алексѣй... (крики: „это старая династія"). Да, господа, это старая династія, которую можетъ быть не любите вы, а можетъ быть, не люблю и я. Но дѣло сейчасъ не въ томъ, кто кого любитъ. Мы не можемъ оставить безъ отвѣта и безъ рѣшенія вопросъ о формѣ государственнаго строя. Мы представляемъ его себѣ какъ парламентскую и конституціонную монархію. Быть можетъ, другіе представляютъ иначе, но теперь, если мы будемъ объ этомъ спорить, вмѣсто того, чтобы сразу рѣшить, то Россія очутится въ состояніи гражданской войны и возродится только что разрушенный режимъ. Этого мы сдѣлать не имѣемъ права ни передъ вами, ни передъ собой. Однако, это не значитъ, чтобы мы рѣшили вопросъ безконтрольно. Въ нашей программѣ вы найдете пунктъ, согласно которому, какъ только пройдетъ опасность и водворится прочный порядокъ, мы приступимъ къ подготовкѣ созыва Учредительнаго Собранія (громкіе аплодисменты), собраннаго на основѣ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія. Свободно избранное народное представительство рѣшитъ, кто вѣрнѣе выразитъ общее мнѣніе Россіи: мы или наши противники... (рукоплесканія, шумъ, крики: „опубликуйте программу"). Эти возгласы напоминаютъ мнѣ о важномъ вопросѣ, рѣшить который зависитъ отъ Совѣта Рабочихъ Депутатовъ, въ рукахъ котораго находится распоряженіе типографскими рабочими. Свободная Россія не можетъ обойтись безъ самаго широкаго оглашенія и обсужденія свѣдѣній, въ настоящую минуту интересующихъ всю Россію. Я надѣюсь, что завтра же удастся возстановить правильный выходъ органовъ прессы, отнынѣ свободной. Г.г., я могъ-бы перечислить и другіе пункты программы, но думаю, что тѣ, о которыхъ я упомянулъ, интересуютъ васъ главнымъ образомъ, а о другихъ вы узнаете скоро изъ печати. Голосъ мой охрипъ, мнѣ трудно говорить далѣе, позвольте на этихъ объясненіяхъ пока остановить мою рѣчь... (бурныя рукоплесканія).

Въ отвѣтъ на запросъ представителей нѣкоторыхъ общественныхъ и воинскихъ организацій П. Н. Милюковъ указалъ, что его слова о временномъ регентствѣ Великаго князя Михаила Александровича и наслѣдованіи Алексѣя являются его личнымъ мнѣніемъ. (Извѣстія № 6—7, 2-3 марта 1917 г.)

Вышеприведенныя рѣчи первыхъ министровъ Вр. Правительства ярко говорятъ за себя, достаточно рельефно обрисовываютъ начало формированія „твердой“ власти, той самой власти, которая должна была вывести Россію изъ хаоса, цѣпей царизма, а главное, обезпечить странѣ должное культурное строительство на началахъ „демократическихъ“ принциповъ—„свободы, равенства и братства“.

„Свобода, равенство и братство“ на слѣдующій же день ярко сказались и та же газета „Извѣстія“ (един. въ Петр. въ тѣ дни) № 8 вышла со значительной плѣшью; по всей Россіи, были произведены десятки тысячъ арестовъ и не только лицъ „запачкавшихъ» свою репутацію преданностью государственному строю царской Россіи, но и мало-мальски „подозрительныхъ“; рядъ убійствъ, погромовъ, грабежей, насилія, дополнили картину начала „безкровной“ Россійской революціи.

И могло-ли быть иначе, когда въ эти дни Россія почти была уже трупомъ? Обнаружившееся взаимное недовѣріе между Вр. Правительствомъ (кромѣ А. Керенскаго) и Совѣтомъ Рабочихъ Депутатовъ совершенно парализовали „мозгъ“ страны и интеллигенція должна была, подъ давленіемъ силы —Совѣта Рабочихъ Депутатовъ, или пойти по пути „соглашательства», или же подчиниться и сложить свое славное оружіе.

Черезъ сравнительно короткій промежутокъ времени, т. е. послѣ паденія „Коалиціоннаго Правительства“, вся власть перешла въ руки „мечтателей“, а интеллигенція, ходомъ событій, объявлена была „контръ-революціонной“, „буржуазной“ и съ тѣхъ поръ принуждена работать или въ подпольѣ, или же терпѣливо молчать и быть лишь свидѣтельницей величайшихъ, героическихъ подвиговъ „новыхъ“ людей, спеціализирующихся и понынѣ на „соціалистическихъ“ экспериментахъ—постройкахъ грандіозныхъ морговъ и крематоріевъ не только для бреннаго тѣла, но и для души, совѣсти, чести, разума всего человѣчества.

Какъ же реагировали на всѣ эти событія, т. е. въ первые дни Февральской революціи, офицеры Арміи и Флота? Партія народной свободы тогда-же, въ возваніи своемъ къ народу, опредѣленно отвернулась отъ старой власти, призывая къ тѣсному единенію во имя организаціи побѣды надъ внѣшнимъ врагомъ; та же партія фактически дала большинство членовъ Вр. Правительства и, такимъ образомъ, аполитичная „армія силы“, довѣрившись мозгу страны—каде-

тамъ, склонила свое оружіе предъ «арміей разума“, вѣрнѣе политики, обѣщавшей вывести народъ и страну на путь достойный славы и величія.

— „ПОСТАНОВЛЕНІЕ ОФИЦЕРОВЪ СОБРАНІЯ АРМІИ и ФЛОТА (1-го Марта 17 г.). Офицеры, находящіеся въ Петроградѣ, идя руку объ руку съ народомъ и собравшись въ Собраніи Арміи и Флота, по предложенію Исполнительнаго Комитета Гос. Думы, признавая, что для побѣдоноснаго окончанія войны необходима скорѣйшая организація порядка и дружная работа въ тылу, единогласно постановили: признать власть Исполнительнаго Комитета Гос. Думы впредь до созыва Учредительнаго собранія“.—

Побѣда Совѣта Рабочихъ Депутатовъ въ борьбѣ ихъ на право власти—контроля дѣйствій Исполн. Комитета Госуд. Думы, въ первые же дни Февр. революціи, фактически оказалась пораженіемъ всей русской интеллигенціи и, конечно, все это не могло не повліять на дальнѣйшій ходъ событій. Развалъ интеллигенціи настолько былъ чудовищнымъ, молніеноснымъ, что съ тѣхъ поръ даже и не замѣтно проблесковъ оздоровленія какъ въ самой интеллигенціи, такъ и въ буржуазныхъ и пролетарскихъ массахъ, если только не имѣть ввиду ряда выступленій исключительно „вооруженныхъ“ силъ —противобольшевистскихъ армій, о роли, лозунгахъ и о пораженіи которыхъ я буду говорить впослѣдствіи. „Голова“ волею рока, уступила мѣсто „хвосту», который не только наводитъ чистоту, порядокъ въ странѣ, но и самъ, захваченный въ тиски „воля народа“, принуждаетъ весь русскій народъ не только страдать, мучиться, но и отъ безумной боли, пытки и нравственныхъ переживаній, кричать на весь міръ— „пролетаріи всѣхъ странъ соединяйтесь“, „караулъ“, спасите!!

ЧАСТЬ III.

Катастрофа русской интеллигенціи.

Въ серединѣ Ноября мѣс. 17 г., въ Севастополь прибыла делегація балтійскаго флота—пополнить „проблемы“ въ рядахъ революціонныхъ массъ. Октябрскій переворотъ въ Петроградѣ, Москвѣ, надо замѣтить, окончательно парализовалъ всякую возможность выступленій гдѣ-бы то ни было русской интеллигенціи и съ тѣхъ поръ страна, когда-то многообѣщавшая, совершенно выбыла изъ ряда культурныхъ, „буржуазныхъ“ государствъ, начавъ новую страницу въ міровой жизни народовъ—проведеніе въ жизнь коммунистическихъ началъ, а съ ними и созданіе такого государственнаго строя, который-бы обезпечилъ пролетаріату не только безбѣдное существованіе, но и право на государственное строительство въ странѣ, а главное—право на власть.

„Друзья“ народа—всѣ тѣ, кто „углублялъ“ революцію въ дни „нечеловѣческой“ власти—Врем. Правительства; всѣ тѣ, кто отдалъ когда-то лучшіе годы и дни своей жизни для борьбы съ автократическимъ гнетомъ; всѣ тѣ, кто не щадилъ себя въ дни царизма во имя завоеваній полутемному народу культурной жизни и должныхъ свободъ; всѣ тѣ, кто такъ еще недавно, обливаясь потомъ и кровью, съ кандалами на рукахъ и ногахъ, прошелъ въ далекихъ тундрахъ Сибири „стажъ“ народнаго героя; всѣ тѣ, кто долгіе годы провелъ въ казематахъ тюремъ—Шлиссельбургской и Петропавловской крѣпостяхъ; всѣ тѣ, кто, волею судьбы, воспитался на „критикѣ чистаго разума“, а не на одной только подпольной литературѣ, всѣ они, въ дни захвата власти большевиками, должны были не только сойти со сцены государственнаго строительства страны, но и снова испить горькую чашу мытарствъ, страданій, жизни „нелегальнаго“—политическаго преступника. И это въ странѣ „демократическихъ“ свободъ?!

Октябрскія выступленія юнкеровъ въ Москвѣ и Петроградѣ, тысячи жертвъ съ обѣихъ сторонъ—начало, прелюдія того величайшаго пожара, который четыре года, изо дня въ день, не только обугливаетъ всю Россію, но и своими ядовитыми газами развращаетъ, губитъ и приноситъ массу

страданій всему человѣчеству.

Безчисленные аресты и разстрѣлы правыхъ и лѣвыхъ; созданіе и возрожденіе Совѣтскимъ правительствомъ средневѣковыхъ началъ для борьбы съ противникомъ—„Чрезвычаекъ"; разгонъ въ первый же день (въ Январѣ мѣс. 18 г.) собравшагося „Учредительнаго Собранія"; распредѣленіе всего народонаселенія на „чистыхъ" и „нечистыхъ"—4 категоріи, въ зависимости отъ которыхъ идетъ распредѣленіе продовольственныхъ пайковъ; „veto" на всѣ органы печати —не коммунистической; гоненіе на церковь; упраздненіе суда выборныхъ; соціализація, національзація не только сбереженій и капиталовъ, но и труда всѣхъ здоровыхъ элементовъ страны; насильственное проведеніе въ жизнь химерныхъ соціалистическихъ утопій; наконецъ, назначеніе повсюду „политическихъ комиссаровъ", вырвали языкъ у всей страны и народъ, терроризованный и забитый, голодный и выброшенный ходомъ революціи изъ нормальной колеи, ждетъ и понынѣ только „чуда", спасенія себя и страны отъ витязей—„богатырей", отъ всѣхъ, кто еще не потерялъ чувства гуманности, любви къ человѣчеству.

Объятая „краснымъ" пожаромъ, Россія и сейчасъ стонетъ отъ дѣйствительно нечеловѣческихъ страданій, почти четыре года вся страна повседневно заживо хоронитъ не только лучшихъ людей, но и въ огнѣ гибнутъ всѣ завоеванія культуры, величайшія цѣнности, сокровища, міровыя богатства, гибнетъ все лучшее, чистое, святое; четыре года жалобно вопитъ всему міру русскій народъ—„спасите", а въ отвѣтъ ему глухо несутся новыя идеалы, „модные" принципы современной жизни „культурнаго" Запада:—почемъ доллары, фунты, франки, леи?

Октябрскій переворотъ фактически послужилъ объявленіемъ войны не только „буржуазіи" и ея „прислужникамъ" (терминъ „красныхъ—народовольцевъ") въ самой Россіи, но и буржуазіи всего міра. Программа большевиковъ, пропаганда, агитація ихъ въ міровомъ масштабѣ, говорятъ за это и, конечно, несогласованность дѣйствій всѣхъ противобольшевистскихъ лагерей, инертность и медлительность въ разрѣшеніи неотложнаго вопроса „быть или не быть, de jure и de facto, Совѣтской Россіи" всѣми отдѣльными народами и государствами, только распространяютъ коммунистическіе вибріоны и тѣмъ самымъ углубляютъ и безъ того уже крайне безотрадное положеніе міровой политики, всей

культурной, нормальной жизни не только Европы, но и другихъ частей свѣта.

А міровая война—„Общеевропейская“, послѣ колоссальнаго напряженія ума и нервовъ принимавшихъ въ ней участіе народовъ, требуетъ длительной передышки, спокойствія, отдыха и необычайнаго труда во имя сохраненія должнаго, необходимаго мира!!

Катастрофа русской интеллигенціи закончилась „пахабнымъ“ миромъ—Брестскимъ, началомъ гражданской войны въ Россіи, катастрофа же „культурнаго“ Запада возможно только что начинается, съ возобновленіемъ торговыхъ сношеній Англіи съ Сов. Россіей, забастовки углекоповъ въ Англіи въ Апрѣлѣ 21 г., броженіе умовъ въ англійскихъ колоніяхъ—въ Азіи и Африкѣ, народныя волненія въ Ирландіи, Шотландіи, могутъ быть прелюдіей къ грандіознѣйшему пожару. А объ этомъ, казалось-бы, должны были подумать прежде всего не только главари англійской политики, но и всѣ тѣ, кто не потерялъ еще надежды сохранить свой народъ, государство, отъ послѣдствій злокачественнаго „коммунистическаго“ вибріона, не говоря, уже о томъ, что бывшіе союзники Россіи, оффиціально признавъ Вр. Правительство, тѣмъ самымъ взяли на себя и нѣкоторыя нравственныя обязательства, которыя, какъ думалось большинству, должны были стать не только „платоническими“, но и, на случай нежелательныхъ въ странѣ событій, реальными и существенными. Дѣло въ томъ, что Россія въ первые три года безропотно несла всѣ тяготы войны, мало того своимъ наступленіемъ и чудовищными жертвами спасла Парижъ отъ захвата и разгрома его нѣмцами, не говоря уже о посылкѣ Россіей корпуса войскъ на территорію Франціи.

— „Оффиціальное признаніе Временнаго Правительства Англіей и Франціей.

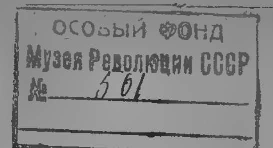
Французскій и англійскій послы оффиціально заявили предсѣдателю Гос. Думы М. В. Родзянко, что правительства Франціи и Англіи вступаютъ въ дѣловыя сношенія съ Временнымъ Исполнительнымъ Комитетомъ Государственной Думы, выразителемъ истинной воли народа и единственнымъ законнымъ времен. правительствомъ Россіи („Извѣстія“ № 4.)

Какъ-же реагировало большинство русской трудовой интеллигенціи и идейная демократія на захватъ власти въ странѣ большевиками? Какъ реагировали офицеры Арміи и Флота и каковы были ихъ послѣдствія?

МОСКОВСКАЯ ГОРОДСКАЯ ДУМА на засѣданіи своемъ 22 Ноября 17 г. вынесла слѣдующую резолюцію:

— „Московская городская Дума, отвѣтственная предъ населеніемъ г. Москвы, за то достояніе, которое ей было вручено волею народа 25 Іюня 17 г., считаетъ своей обязанностью сказать населенію всю правду о нынѣшнемъ состояніи городского управленія и городского хозяйства.

Городская управа захвачена вмѣстѣ съ зданіемъ, въ которомъ находятся канцеляріи Думы и управы. Никакіе налоги и сборы поступать не могутъ. Касса пуста, и громадная армія городскихъ служащихъ оставлена безъ всякихъ средствъ къ существованію. Въ то же время изъ захваченнаго большевиками Госуд. Банка, будто-бы за счетъ городского займа, растаскиваются милліоны народнаго достоянія и за счетъ ихъ производятся платежи городскимъ рабочимъ. Поступленія въ мѣстныя кассы различныхъ предпріятій распредѣляются рабочими тутъ-же на мѣстѣ, и городская управа лишена, такимъ образомъ, возможности планомѣрно распоряжаться городскими средствами и распредѣлять ихъ по другимъ отдѣленіямъ, не имѣющимъ самостоятельнаго дохода. Прекращены всякіе платежи поставщикамъ, и важнѣйшимъ городскимъ предпріятіямъ угрожаетъ остановка за недостаткомъ сырья и другихъ матеріаловъ. Рабочіе останутся безъ зимняго обмундированія. То небольшое, что дѣлала вся Москва, для снабженія Арміи, должно будетъ пріостановиться. Съ великимъ трудомъ и заботами поддерживавшееся все время снабженіе Москвы продовольствіемъ и топливомъ разлаживается. Продовольственныя лавки и столовыя захватываются, продукты расхищаются, равномѣрное распредѣленіе продуктовъ среди населенія и питаніе бѣднѣйшихъ его слоевъ затрудняется до чрезвычайности. Въ такомъ же положеніи дѣятельность городского управленія по обезпеченію населенія топливомъ. Топливное хозяйство городского населенія дѣйствіями большевиковъ совершенно разстроено и движется къ неизбѣжному краху. Рудники и торфяныя разработки должны будутъ остановиться, вслѣдствіи недостатка денегъ. Разстройство денежнаго обращенія привело къ прекращенію дальнѣйшей разработки лѣса и уменьшенію поступленія топлива въ Москву. Начавшееся расхищеніе городскихъ запасовъ топлива самочиннымъ большевистскимъ совѣтомъ районныхъ думъ грозитъ привести къ замерзанію больницъ, госпиталей, жилыхъ домовъ и важнѣй-

ОСОБЫЙ ФОНД
Музея Революции СССР
№ 561

шія городскія предпріятія. Планомѣрная разверстка топлива между московскими потребителями теперь нарушена, что грозитъ привести къ остановкѣ многихъ фабрикъ и острой безработицѣ. Грозитъ остановкою городской трамвай, такъ какъ прибытіе нефти для нуждъ трамвая почти прекратилось, или же дальнѣйшее снабженіе трамвая нефтью изъ нефтехранилищъ частныхъ фирмъ, оставитъ безъ топлива рядъ предпріятій и домовъ. Больницы, госпитали и лазареты поставлены въ исключительное тяжелое положеніе. Задержанная большевиками въ Госуд. Банкѣ сумма въ 6½ мил. рублей за октябрь лишаетъ городскую управу возможности нормально питать больныхъ и закупать медикаменты.

Въ этихъ исключительно тяжелыхъ условіяхъ, когда московское городское самоуправленіе, ограбленное и лишенное всякой защиты государственной власти, отдано во власть произволу и грубымъ насиліямъ, московская городская дума по долгу совѣсти обязана заявить населенію, что городская управа лишена возможности вести свою работу и поэтому не можетъ нести отвѣтственность за возложенныя на нее обязанности. Вся отвѣтственность за грядущія судьбы Москвы и ея городского хозяйства лежитъ на властвующихъ и распоряжающихся нынѣ большевикахъ. Въ то же время московская городская дума, не слагая съ себя полномочій и не снимая ихъ съ городской управы, живетъ надеждой, что великій хозяинъ земли русской—Учредительное Собраніе, на судъ котораго она представитъ все совершившееся, вернетъ населенію Москвы завоеванія революціи, попранныя и растоптанныя нынѣшними властителями большевизма“.

На томъ-же засѣданіи (т. е. 22 Ноября 17 г.) ярко обнаружилось и настроеніе отдѣльныхъ группъ и лицъ къ совершавшимся въ Россіи событіямъ.

Меньшевикъ А. Б. Романовъ предложилъ думѣ и управѣ не складывать оружія и продолжать политическую борьбу съ большевиками. Такая борьба необходима даже въ томъ случаѣ, если дума окажется подъ штыками насильниковъ.

Городской голова В. В. Рудневъ въ своей рѣчи констатировалъ, что возстаніе большевиковъ приняло затяжной характеръ, тѣмъ не менѣе городская дума будетъ сохранять свою власть до Учредительнаго Собранія.—„Всѣ усилія наши,—воскликнулъ В. В. Рудневъ, разбиваются о силу штыка, но сила правды за нами“.

Членъ думы П. А. Велиховъ предложилъ думѣ выра-

зить благодарность всѣмъ тѣмъ общественнымъ организаціямъ и профессіональнымъ союзамъ, которые оказываютъ моральную поддержку думѣ и той учащейся молодежи, которая стѣной окружаетъ думу.

Предсѣдатель „Единства" заявилъ, что ни дума, ни управа не смѣютъ расходиться и распускать себя. Они должны поступать такъ, какъ поступаетъ капитанъ на тонущемъ кораблѣ. Они должны уйти послѣдними.

Тогда-же выступили представители профес. союзовъ, почт. телеграфныхъ служащихъ, служащихъ правительственныхъ, и общественныхъ учрежденій. Всѣ они опредѣленно заявили, что союзы, отъ лицъ которыхъ они выступаютъ, всецѣло поддержатъ городскую думу и власти захватчиковъ не подчинятся и всѣ, какъ одинъ, стойко будутъ защищать права Учредительнаго Собранія.

ВСЕРОССІЙСКІЙ ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЙ СЪѢЗДЪ тогда-же, въ Ноябрѣ мѣс., принялъ слѣдующую резолюцію объ отношеніи къ совершавшимся событіямъ и моменту:

—„Всероссійскій продовольственный съѣздъ, заслушавъ отъ руководителей продовольственнаго дѣла въ центрѣ и на мѣстахъ сообщеніе о состояніи продовольственнаго дѣла въ странѣ, заявляетъ: продовольственная разруха въ странѣ достигла самыхъ крайнихъ размѣровъ, запасовъ фуража и продовольствія въ арміи и потребляющихъ центрахъ не существуетъ. Страна живетъ лишь текущимъ срочнымъ подвозомъ. Отъ грозной, шагъ за шагомъ надвигающейся продовольственной катастрофы, отъ уже реально близкаго всеобщаго голода въ арміи и потребляющихъ центрахъ и связаннаго съ нимъ полнаго паралича жизни страны, можетъ спасти лишь общее дружное напряженіе всѣхъ силъ страны, руководимое общепризнанной государственной властью. Не касаясь совершенно вопросовъ объ устройствѣ политической жизни Россіи, съѣздъ считаетъ необходимымъ обратиться съ горячимъ призывомъ къ окраиннымъ областямъ Россійской республики, (отъ автора: объявленіе Россіи „республикой" было сдѣлано „пѣвцомъ русской революціи"— А. Ф. Керенскимъ), не допустить голода въ арміи, въ центрѣ, сѣверной Россіи и Туркестанѣ. Обращаясь къ гражданскому чувству окраинныхъ гражданъ, съѣздъ напоминаетъ, что экономическая жизнь страны едина и голодная катастрофа въ арміи и промышленныхъ губерніяхъ въ конецъ разоритъ и обездолитъ богатыя продовольствіемъ окраины, ко-

торыя не въ состоянiи существовать безъ промышленности потребляющихъ губернiй. Единственную надежду на выходъ изъ настоящаго необычайно опаснаго кризиса въ продовольствiи страны съѣздъ видитъ въ созданiи общепризнанной авторитетной народной власти Учредительнымъ Собранiемъ. Считая Учредительное Собранiе единственнымъ законнымъ источникомъ власти, продовольственный съѣздъ заявляетъ, что съ момента созыва Учред. Собранiя продовольственная организацiя страны, въ лицѣ всѣхъ своихъ центральныхъ и мѣстныхъ органовъ будетъ признавать только власть Учред. Собранiя и сочтетъ возможнымъ вести свою работу только подъ его руководствомъ. Въ случаѣ же посягательства на права и существованiе Учред. Собранiя, всѣ силы продовольственной организацiи будутъ направлены на поддержку Учред. Собранiя и на борьбу съ насильниками народной воли. Стоя въ своей текущей работѣ въ сторонѣ отъ политической борьбы, работники по продовольствiю, именно во имя интересовъ продовольствiя страны, заявляютъ, что насильственное вмѣшательство въ работу Учред. Собранiя и тѣмъ болѣе насильственная обстановка его работы парализуетъ дѣятельность всѣхъ продовольственныхъ учрежденiй страны и неминуемо повлечетъ за собой фактическое прекращенiе доставки продовольствiя, всеобщiй голодъ въ государствѣ и, какъ неизбѣжное его послѣдствiе, всеобщую кровавую анархiю въ странѣ. При такихъ условiяхъ дѣятельность продовольственныхъ организацiй страны, несмотря на всѣ ихъ усилiя, вынуждена будетъ прекратиться. Отвѣтственность за грядущiй голодъ и кровавую анархiю въ странѣ падетъ всецѣло на возможныхъ виновниковъ такого насилия надъ народнымъ волеизъявленiемъ. Одновременно съ этимъ съѣздъ призываетъ всѣхъ работниковъ по продовольствiю, какъ въ центрѣ, такъ и на мѣстахъ безостановочно и неустанно продолжать, несмотря ни на какiя препятствующiя силы, свою отвѣтственную передъ родиной работу, впредь до волеизъявленiя Учредит. Собранiя или до наступленiя указанныхъ выше обстоятельствъ, препятствующихъ такому волеизъявленiю, и въ силу этого приглашаетъ работниковъ центральнаго продовольственнаго органа и работниковъ на мѣстахъ безостановочно продолжать работу. Для общаго согласованiя работъ всѣхъ продовольственныхъ органовъ и руководства ихъ дѣятельностью совмѣстно съ министерствомъ продовольствiя, равно какъ и для исполненiя настоящихъ

рѣшеній всероссійскаго продовольственнаго съѣзда, съѣздъ избираетъ всероссійскій совѣтъ продовольственныхъ съѣздовъ изъ 10 человѣкъ, дѣйствующихъ до соотвѣтствующаго рѣшенія Учредит. Собранія. Съѣздъ заявляетъ, что руководящую дѣятельность этого своего органа работники продовольственныхъ организацій поддержатъ всѣми средствами и способами".

Центральный Исполнительный Комитетъ всероссійскаго желѣзнодорожнаго союза, тогда же, т. е. въ серединѣ Ноября мѣс. 17 г., разослалъ по всѣмъ линіямъ желѣзныхъ дорогъ телеграмму, въ которой желѣзнодорожники освѣдомляются, что вѣдомство путей сообщенія перешло въ управленіе желѣзнодорожнаго союза и центр. исполн. комитета водныхъ путей сообщенія:

Телеграмма слѣдующаго содержанія:

— „Единственно революціоннаго фронта, къ сожалѣнію, до сего времени не достигнуто, въ странѣ нѣтъ власти пользующейся довѣріемъ всѣхъ слоевъ населенія и нѣтъ единства управленія всею государственною и хозяйственною жизнью страны. На ряду съ этимъ внутреннимъ раздоромъ и гражданская война углубляется, особенно подъ вліяніемъ управленія съ помощью террора. Это грозитъ опасностью контръ-революціи, призраки которой уже висятъ надъ страною, которая измучена гражданской войной и разорена въ конецъ войной внѣшней. Эта разруха въ странѣ и отсутствіе руководящаго центра особенно тяжело отзывается на желѣзнодорожномъ транспортѣ; въ дѣло управленія желѣзными дорогами вмѣшиваются лица и организаціи, съ техникой желѣзнодорожнаго дѣла незнакомыя, отсутствуетъ какая-либо возможность направлять дѣло транспорта, а между тѣмъ надъ страной виситъ опасность голода и холода и необходимо принять самыя крайнія мѣры къ доставкѣ продовольствія и топлива на фронтъ и въ города. Желѣзнодорожное движеніе все больше и больше запутывается, главные узлы забиты, вывозъ угля изъ Донецкаго бассейна падаетъ, за отсутствіемъ порожныхъ вагоновъ и паровозовъ. Посторонними дорогамъ лицами ежедневно учиняются надъ желѣзнодорожниками насилія и желѣзнодорожники не въ силахъ противоставить грубой силѣ ничего, кромѣ прекращенія работъ. Нарушеніе правильнаго хода финансовой жизни страны вызываетъ задержку, а часто и полное прекращеніе выдачи желѣзнодорожникамъ жалованія, на этой почвѣ происходятъ на же-

лѣзныхъ дорогахъ недоразумѣнія и столкновенія съ мѣстной администраціей, грозящіе также прекращеніемъ работъ. Съ 13 по 15 Ноября въ Москвѣ происходило совѣщаніе представителей главныхъ комитетовъ жел. дорогъ Европейской Россіи и порайонныхъ комитетовъ служащихъ. Совѣщаніе это признало возможнымъ, чтобы центр. исполн. комитетъ всерос. желѣзнодорожн. союза въ случаѣ крайней необходимости взялъ въ свои руки управленіе желѣзными дорогами, впредь до разрѣшенія настоящаго политическаго кризиса. Указанныя выше обстоятельства заставляютъ центр. исполн. комитетъ союза признать, что такой моментъ наступилъ и что „Викжель“ вынужденъ взять управленіе желѣзными дорогами въ свои руки, въ цѣляхъ спасенія погибающаго транспорта и обезпеченія желѣзнодорожникамъ возможности безпрепятственно работать въ пользу всей страны. Вмѣстѣ съ тѣмъ московское совѣщаніе главныхъ дорожныхъ комитетовъ 13—15 Ноября вмѣнило „Викжелю“ въ обязанность участвовать въ дѣлѣ созданія государственной власти и для этого дало ему право войти въ Ц. И К. СовѣтовъР. и С. Депутатовъ. „Викжель“ пришелъ къ непоколебимому убѣжденію, что такая государственная власть, которая пріобрѣла бы довѣріе всей демократіи, можетъ быть организована только черезъ объединенный Совѣтъ Рабочихъ, Крестьянскихъ и Солдатскихъ Депутатовъ, всякая же власть, образованная внѣ Совѣтовъ, неминуемо вызоветъ обостреніе гражданской войны. Поэтому „Викжель“ счелъ необходимымъ войти въ Ц. И. К. Совѣтовъ Р. С. и К. Депутатовъ, въ составъ котораго открытъ широкій доступъ всѣмъ демократическимъ организаціямъ и соціалистическимъ партіямъ. Войдя въ Совѣтъ „Викжель“ убѣдился, что его задача созданія однородной власти и прекращенія гражданской войны и террора можетъ быть достигнута не путемъ протеста противъ взятія государственной власти одной только политической партіей, но исключительно путемъ активной работы внутри исполнительнаго комитета Совѣтовъ и принятія на себя управленія желѣзнодорожнымъ хозяйствомъ. Все это вмѣстѣ взятое, т. е. необходимость руководить транспортомъ въ интересахъ всей страны, оградить желѣзнодорожниковъ отъ вмѣшательства постороннихъ лицъ и отъ насилій, создать авторитетную государственную власть и, наконецъ, возможность добиваться удовлетворенія законныхъ требованій желѣзнодорожниковъ въ дѣлѣ улучшенія ихъ правового и

экономическаго положенія, выработки и проведенія этихъ новыхъ условій и нормъ оплаты труда, вынудило центр. исполн. комитетъ всерос. желѣзнод. союза выставить своего кандидата на постъ народнаго комиссара по вѣдомству путей сообщенія. Этотъ комиссаръ войдетъ въ совѣтъ народныхъ комиссаровъ и будетъ проводить въ немъ политическія и экономическія требованія желѣзнодорожнаго союза".

Далѣе сообщается постановленіе о конструкціи власти, § II котораго гласитъ слѣдующее:—настоящее постановленіе о конструкціи власти и организаціи управленія вѣдомствомъ путей сообщенія и желѣзными дорогами сохраняетъ свою силу впредь до момента сконструированія власти Учредительнымъ Собраніемъ.

(Продолженіе телеграммы)—„Центр. Исполн. Комитетъ всерос. желѣзнод. союза всѣ свои силы употребитъ на созданіе однороднаго соціалистическаго правительства, отвѣтственнаго передъ признаннымъ всей демократіей представительнымъ органомъ. Онъ вѣритъ въ возможность достиженія этихъ вполнѣ ясно поставленныхъ имъ задачъ, клонящихся ко благу демократіи, въ рядахъ которой видное мѣсто занимаетъ армія желѣзнодорожниковъ, на которую Ц. И. К. всероссійскаго желѣзнод. союза во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ опирался и будетъ опираться".

Какъ реагировали офицеры на захватъ въ странѣ власти большевиками и на послѣдующія событія, можно судить уже потому, что въ Ноябрѣ мѣс. 17 г. начались съ нѣмцами переговоры о мирѣ, Ставка „безъ боя" была захвачена „товарищемъ" Крыленко, ген. Корниловъ бѣжалъ, ген. Духонинъ былъ убитъ, въ тылу и на фронтѣ начались безчисленные аресты и разстрѣлы „контръ-революціонеровъ"...

Убійство ген. Духонина, съ разсказа очевидца, рисуется въ слѣдующемъ видѣ.

Въ понедѣльникъ, 20 ноября, около 4 час. дня ген. Духонинъ былъ доставленъ изъ Штаба по приказу прапорщика Крыленко на станцію Могилевъ, гдѣ находился поѣздъ прапорщика Крыленко съ эшелономъ матросовъ и красногвардейцевъ. Когда ген. Духонинъ уже находился въ вагонѣ прапорщика Крыленко, настроеніе среди большевистскихъ войскъ замѣтно повысилось. Матросы и красногвардейцы, выйдя изъ вагона, окружили со всѣхъ сторонъ вагонъ, въ которомъ находился ген. Духонинъ. Толпа, поджигаемая матросами, стала требовать выдачи ген. Духонина для того, что-

бы надъ нимъ былъ учиненъ судъ народный. Въ это время изъ вагона прап. Крыленко вышелъ матросъ и, обратившись къ толпѣ матросовъ и красногвардейцевъ эшелона прапорщика Крыленко, заявилъ, что новый верховный главнокомандующій желаетъ сдѣлать заявленіе. Прапорщикъ Крыленко, выйдя изъ вагона, и замѣтно волнуясь, обратился къ толпѣ съ рѣчью, въ которой заявилъ слѣдующее:—„Я слышу здѣсь раздаются крики и требованіе выдачи бывшаго верховнаго главнокомандующаго. Считаю эти требованія незаконными. Какъ уполномоченный совѣтомъ народныхъ комиссаровъ, я долженъ выполнить данное мнѣ предписаніе доставить ген. Духонина въ Петроградъ для водворенія его въ Петропавловскую крѣпость и преданія его революціонному суду. Я говорю вамъ, не какъ толпѣ, а какъ товарищамъ—матросамъ, которые, надѣюсь, не дадутъ возможности противникамъ революціи клеймить истинныхъ революціонеровъ въ томъ случаѣ, если-бы они учинили надъ ген. Духонинымъ самосудъ". Стоявшій рядомъ съ прапорщикомъ Крыленко матросъ крейсера „Авроры" въ отвѣтъ на рѣчь прапорщика обратился къ своимъ товарищамъ и красногвардейцамъ съ рѣчью, въ которой заявилъ, что требованіе о выдачѣ ген. Духонина является прямымъ слѣдствіемъ общей политики по отношенію ко всѣмъ контръ-революціоннымъ генераламъ, которыхъ боялись до сихъ поръ. Корниловъ бѣжалъ, Керенскаго нельзя поймать, Калединъ (донской атаманъ) тоже неуязвимъ, а ген. Духонинъ сейчасъ находится въ нашихъ рукахъ и потому мы должны сами судить его, здѣсь же на мѣстѣ. Прапорщикъ Крыленко вторично, повышеннымъ тономъ, обратился къ толпѣ съ рѣчью, въ которой заявилъ, что если толпа не довѣряетъ новому верховному главнокомандующему, то она можетъ сама изъ своей среды выбрать и поставить у вагона, въ которомъ находится ген. Духонинъ, спеціальный караулъ, но что онъ не можетъ допустить, чтобы надъ ген. Духонинымъ былъ учиненъ самосудъ.

— „Только тогда, когда вы меня убьете, вы возьмете ген. Духонина (сравните съ послѣдними словами рѣчи А. Керенскаго 1-го Марта).

Но тутъ картина рѣзко измѣнилась. Прапорщикъ Крыленко очевидно почувствовалъ, что онъ не можетъ справиться съ толпой, и рѣшилъ остаться пассивнымъ зрителемъ, ибо боялся стать жертвой самосуда своихъ же товарищей.

Когда между Крыленко и толпой матросовъ и красногвардейцевъ шли переговоры о выдачѣ ген. Духонина, послѣднiй подошелъ къ окну и сдѣлалъ знакъ рукой, очевидно, что-то желая сказать толпѣ. Въ это время изъ толпы раздался выстрѣлъ и пуля пробивъ окно, ранила ген. Духонина. Крыленко былъ въ это время оттѣсненъ и толпа съ дикими криками ворвалась въ вагонъ и выволокла ген. Духонина на полотно желѣзной дороги. Стрѣляли и били ген. Духонина всѣ тѣ, кому было не лѣнь Голова ген. Духонина была обращена въ безформенную массу; въ бездыханный трупъ генерала толпа еще начала стрѣлять. Крыленко въ это время прогуливался вдоль полотна желѣзной дороги и отдавалъ распоряженiя матросамъ не допускать никого къ трупу. Черезъ нѣсколько времени были доставлены женщиной носилки и обезображенный трупъ ген. Духонина былъ доставленъ въ прiемный покой станцiи Могилевъ".

За взятiе Могилева прапорщикъ Крыленко 22 Ноября 17 г. произвелъ поручика Шнеура въ полковники.

Въ дни взятiя Ставки Крыленко послалъ по адресу «всѣмъ, всѣмъ, всѣмъ „телеграмму:

— „Товарищи! Сего числа я вступилъ въ Могилевъ во главѣ революцiонныхъ войскъ. Ставка сдалась безъ боя. Послѣднее препятствiе дѣлу мира пало. Не могу умолчать о печальномъ фактѣ самосуда надъ бывшимъ главковерхомъ ген Духонинымъ. Народная ненависть слишкомъ накипѣла. Несмотря на всѣ попытки спасти его, онъ былъ вырванъ изъ вагона на ст. Могилевъ и убитъ. Бѣгство ген. Корнилова наканунѣ паденiя ставки было причиной эксцесса. Товарищи! Я не могу допустить пятенъ на знамени революцiи и съ самымъ строгимъ осужденiемъ слѣдуетъ относиться къ подобнымъ фактамъ. Будьте достойны завоеванной свободы! Не пятнайте власти народа! Революцiонный народъ грозенъ въ борьбѣ, но долженъ быть мягокъ послѣ побѣды. Товарищи! Съ паденiемъ ставки, борьба за миръ получаетъ новую силу. Во имя революцiи и свободы, я зову васъ къ революцiонной сплоченности и революцiонной дисциплинѣ"!!

Переговоры о перемирiи съ нѣмцами, въ составъ делегацiи которой со стороны большевиковъ вошли: предсѣдатель Iоффе (Крымскiй), члены—Каменевъ, Сокольниковъ, Биценко, Мстиславскiй, рабочiй Обуховъ, крестьянинъ Сташковъ-Романовъ, матросъ Оличъ, солдатъ Бѣляковъ, секретарь Караханъ; военные консультанты при делегацiи: контръ-

адмиралъ Альтфашеръ, капитанъ I ранга Доливо-Добровольскій, офицеры генеральнаго штаба: Шишкинъ, Станиславскій, Беренчъ, Морозовъ, Суховъ, Фуке (и насколько помнится ген. Скалонъ), въ Ноябрѣ мѣс. приняли уже реальную форму, а все это, конечно, кто считалъ себя нравственно связаннымъ съ союзниками—Англіей и Франціей и другими государствами не могъ не волноваться и рѣзко выражать своего неудовольствія по адресу творцовъ „пахабнаго" мира.

Надо замѣтить, что въ первые дни власти большевиковъ въ странѣ шли бѣшеныя производства и назначенія отдѣльнымъ лицамъ, тѣмъ связавшими себя съ политикой народныхъ комиссаровъ. Парламентеры, ѣздившіе въ штабъ германской дивизіи получили выдающіяся назначенія: Шнеуръ назначенъ былъ главнокомандующимъ двинскаго военнаго округа, вольноопредѣляющійся Меренъ—помощникомъ комиссара сѣвернаго фронта, доктору Сегаловичу были даны „особыя, секретныя" порученія. Въ Московскомъ военномъ округѣ, приказомъ по военному округу, тогда-же произошли также крупныя перемѣны: помощниками командующаго войсками назначены подпоручикъ Чудовъ и прапорщикъ Аросьевъ, начальникомъ штаба московскаго военнаго округа поручикъ Морозовъ, окружнымъ генералъ—квартирмейстеромъ—прапорщикъ Андреевъ—Роженъ, окружнымъ дежурнымъ генераломъ—штабсъ-капитанъ Прозоровъ, московскимъ мѣстнымъ интендантомъ П. А. Ларинъ, инспекторомъ артиллеріи округа подпоручикъ Чиновъ, инспекторомъ инженерныхъ войскъ округа—прапорщикъ Генженцевъ. Всѣ лица, занимавшія эти должности до октябрскаго переворота, были уволены со службы.

Чтобы окончательно закрѣпить за собой власть въ странѣ, большевики 21 Ноября, на засѣданіи Центр. Исполнит. Комитета, сдѣлали первое покушеніе на Учред. Собраніе и одобрили декретъ въ слѣдующей редакціи:

Съѣздъ Совѣтовъ Р. С. и К. Депутатовъ, созванный на паритетныхъ началахъ въ каждомъ соотвѣтствующемъ избирательномъ округѣ, имѣетъ право назначать перевыборы во всѣ городскія, земскія и вообще во всякія представительныя учрежденія, не исключая и Учредительнаго Собранія. По требованію больше чѣмъ половины избирателей соотвѣтствующаго избирательнаго округа, Совѣты должны назначать перевыборы. Самые же перевыборы происходятъ обычнымъ порядкомъ на строгомъ основаніи пропорціальной

системы выборовъ. Вновь избранные представители къ моменту избранія замѣщаютъ прежде избранныхъ представителей".

На томъ-же засѣданіи комиссаръ по дѣламъ юстиціи Стучка огласилъ декретъ объ уничтоженіи всѣхъ формъ существующаго суда, въ томъ числѣ и сената, объ упраздненіи сословія присяжныхъ и частныхъ повѣренныхъ.

Послѣднимъ и болѣе сильнымъ ударомъ для всей интеллигенціи было закрытіе газетъ. Въ ночь на 21 Ноября въ Петроградѣ въ типографіи газетъ „Свободная Рѣчь", «Новый День", „Биржевыя Вѣдомости", „Новое Время", „Петроградская Газета", „Петроградскій Листокъ", „Вольность" и нѣкоторыхъ соціалистическихъ газетъ явились красноармейцы и, предъявивъ ордеръ военно-революціоннаго комитета, заявили, что изданіе газетъ пріостановлено. Окончательно были реквизированы типографіи газетъ: „Биржевыя Вѣдомости» и „Новое Время". Черезъ нѣсколько недѣль та же участь постигла Москву и всю періодическую прессу; стали выходить только или „совѣтскія", или же близко къ ихъ направленію стоявшіе. Съ тѣхъ поръ Сов. Россія живетъ исключительно „казенной» литературой; все замѣрло, застыло... и культурная жизнь народа отошла въ область преданій.

Волна развала въ высшихъ политическихъ сферахъ и въ рядахъ трудовой интеллигенціи въ обѣихъ столицахъ не могла не докатиться и до провинціи, въ частности до базы Черноморскаго флота—Севастополя. Въ Октябрѣ мѣс. 17 г. политическимъ дебатамъ и треніямъ между лидерами партій не было конца. Въ партіи эс-эровъ произошелъ расколъ—образовались два лагеря—„правые" и „лѣвые"; въ с. демократ. одержали верхъ максималисты; меньшевики, кадеты и правые совсѣмъ сложили свое оружіе и... бездѣйствовали.

Офицеры Севаст. гарнизона и флота, вся интеллигенція Крыма не только что-либо предпринимали для предотвращенія возможныхъ, нежелательныхъ событій и эксцессовъ, но и окончательно „ушли въ себя", предоставивъ политику страны своему „естественному" теченію. Въ первыхъ числахъ Ноября мѣс. 17 г. въ Севастополь прибыла делегація балтійскаго флота, изъ Кронштадта. Послѣ ряда выступленій въ Центр. Исполн. Комитетѣ, въ театрѣ, балтійцы объявили о митингѣ на 20 Ноября для всего населенія города и крѣпости. Какъ журналистъ, наконецъ, просто изъ любопытства я, волею злосчастнаго рока, оказался на этомъ собраніи. Нервно выслушавъ „громовыя" рѣчи представителей

гарда революціи—„балтійцевъ“, призывавшихъ къ «углубле-нію“ демократическихъ завоеваній, къ неустанной борьбѣ съ „гидрой“ контръ-революціи—буржуазіей, въ частности—ген-ми Корниловымъ и Калединымъ, уже выступившими въ то время съ оружіемъ въ рукахъ противъ большевиковъ, я попросилъ слова.

И что-же?! Послѣ нѣсколькихъ безобидныхъ фразъ по политическому моменту страны, о желаніи своемъ, да и многихъ другихъ лицъ, пойти навстрѣчу „сознательной“ демократіи—разрѣшить вмѣстѣ съ ними небольшіе вопросы, на меня стремительно набросилась толпа озвѣревшихъ „товарищей“, и съ руганью и бранью, начался дикій, кошмарный, жестокій самосудъ. Только счастливая случайность, не покидавшія меня хладнокровіе и спокойствіе, спасли меня отъ смерти. На глазахъ у многотысячной толпы, я быстрымъ движеніемъ вскочилъ въ калитку воротъ д. Ветцля (на Екатерининской ул.) стремительно закрылъ за собой дверцу, накинулъ засовъ и бѣжалъ. Пока „углубители“ пытались открыть ворота я, правда, потерявъ пару зубовъ, весь окровавленный, съ болью во всемъ тѣлѣ, былъ уже у себя—на квартирѣ. Обезумѣвшая и озлобленная толпа, не болѣе какъ черезъ полчаса, была у моего дома. Я могъ-бы снова бѣжать, но куда, зачѣмъ?! Я вышелъ къ толпѣ. Подъ аккомпаниментъ площадной брани по моему адресу какъ къ золотопогоннику, (я былъ въ формѣ и при погонахъ), меня повели къ тому же мѣсту, откуда, такъ еще недавно, я счастливо бѣжалъ.

— „Вы должны извиниться; вамъ угрожаетъ смерть; мы безсильны спасти васъ своими средствами!»,—напутствовалъ меня, по дорогѣ къ Нахимовской пл. прибывшій вмѣстѣ съ новой толпой матросовъ, предсѣдатель Центр. Исполн. Комитета.—„Товарищи! успокойтесь!! Бѣжавшій офицеръ—здѣсь; „дайте ему слово!“—обратился онъ къ бѣсновавшей толпѣ. Характерно то, что въ этотъ моментъ не было ни одного офицера, никого изъ интеллигенціи; каждый находился у себя дома, въ тревожномъ ожиданіи давно уже грозившей имъ мѣстными рабочими—„Варфоломеевской ночи“. Не успѣлъ я окончить своей „исповѣди“, такъ какъ въ дѣйствительности мнѣ пришлось коснуться своего прошлаго и той роли, которую я когда-то игралъ въ исторіи государства и народа, т. е. еще до революціи, какъ вдругъ на трибуну вскочилъ матросъ съ одного изъ миноносцевъ Черномор-

скаго флота.

— „Товарищи! Что вы дѣлаете, надъ кѣмъ глумитесь, издѣваетесь?! Я и многіе мои товарищи хорошо знаемъ этого офицера и мы горячо протестуемъ противъ безсмысленнаго насилія. Не онъ-ли первый откликнулся на наши нужды (и т. д.), не онъ-ли подарилъ намъ „книгу", безвозмездно участвуя въ концертахъ, не онъ-ли теперь съ открытою душой и сердцемъ пошелъ къ намъ?! Стыдитесь!!

Рѣчь матроса оказала свое магическое дѣйствіе на толпу и среди собравшихся начались горячіе споры. Меня взяли подъ руки и „спѣшно" водворили въ городскую тюрьму, якобы до «выясненія", уличающихъ меня въ преступленіи, вины и „обстоятельствъ".

„На книгу", о которой говорилъ матросъ, дѣйствительно были собраны значительныя суммы отъ концерта и др. вечеровъ, устроенныхъ мной въ Стрѣлецкой бухтѣ, но деньги фактически пошли не «на книгу", а на пьянство, т. к. засѣданіе мѣстнаго комитета „постановило выдать ихъ на руки".

Городская тюрьма приняла меня крайне сурово и негостепріимно. Если бы не морской врачъ г. М-въ, любезно предложившій свои услуги и сопровождавшій меня въ тюрьму, сдѣлавшій мнѣ тамъ перевязку, то, можетъ быть, глубокія раненія, причиненныя мнѣ ножомъ и каблукомъ въ животъ и голову, впослѣдствіи катастрофически отразились бы на здоровьѣ. Въ тюрьмѣ, на одной изъ прогулокъ, я встрѣтился съ „политическимъ"—кап. Орелъ, много нашумѣвшимъ своими смѣлыми выступленіями въ дни захвата власти большевиками въ г. Петроградѣ. Капитанъ Орелъ, совсѣмъ еще молодой человѣкъ, съ живыми, добрыми глазами, достаточно образованный и воспитанный, произвелъ на меня самое симпатичное впечатлѣніе.

— „Меня большевики хорошо знаютъ и пѣснь моя уже спѣта. Обидно, что всѣ бросили, забыли... Жаль старушку мать; теперь ужъ совсѣмъ будетъ одна.. Гм., а вѣдь когда-то надѣялась только на меня!! Гдѣ то она и какъ?!" —грустно замѣтилъ кап. Орелъ.

„Homo homini lupus est" и я, можетъ быть, былъ глубоко не правъ, не подѣлившись тогда съ нимъ планомъ своего бѣгства. Я бѣжалъ, а онъ, онъ остался и, кажется, дождался до безумной оргіи—Севастопольскихъ Декабрскихъ дней.

свою съ кап. Орелъ, я изложилъ только затѣмъ, чтобы подчеркнуть ту „позицію“, которую занимали въ то время г.г. офицеры и мѣстная интеллигенція.

Въ дѣйствительности, я былъ первой жертвой революціи въ Севастополѣ, жертвой, какъ многіе высказывались, по своей же собственной винѣ и неосторожности. Но такъ-ли?! Кронштадскія событія, Октябрская революція, уличные бои въ Москвѣ и др. городахъ послѣ Октябрскаго переворота, „саботажъ“ трудовой интеллигенціи, какъ протестъ противъ захватчиковъ власти—большевиковъ, глумленія надъ всѣмъ офицерствомъ—отбираніе у нихъ оружія, дерзость „сознательной“ демократіи по адресу адм. Колчака, у котораго также хотѣли отнять кортикъ (адм. Колчакъ воспротивился и бросилъ его на ихъ же глазахъ въ море, заявивъ при этомъ: „я былъ въ плѣну у японцевъ и тѣ сохранили за мною право имѣть при себѣ заслуженную награду—золотой кортикъ, а вы и это право хотите отнять у меня?“), наконецъ, начавшееся планомѣрное наступленіе въ Ноябрѣ мѣс. 17 г. атамана Каледина съ донцами и бѣгство ген. Корнилова съ ингушами, пробивавшаго себѣ съ оружіемъ въ рукахъ дорогу въ донскія степи, развѣ уже не подсказывали интеллигенціи или покориться, т. е. окончательно подчиниться власти большевиковъ, или же „съ открытымъ забраломъ“ выступить во всеоружіи и принять достойный рѣшительный бой. Оставаться въ тѣ дни инертнымъ, „безпартійнымъ“, или выражаясь модно, аполитичнымъ, для интеллигенціи было болѣе чѣмъ преступленіемъ.

А гроза надвигалась, темныя свинцовыя тучи давно уже нависли надъ южнымъ побережьемъ Крыма и съ минуты на минуту ожидался стремительный, бѣшенный шквалъ, медленно, но вѣрно катившійся съ сѣвера Россіи.

Въ первыхъ числахъ Декабря (1—3) я былъ по дорогѣ на Москву. Вблизи ст. Бѣлгородъ (Харьк. губ.) шли упорные бои между „красными“ и „корниловцами“ и мнѣ, какъ офицеру, съ большимъ трудомъ удалось пробраться черезъ прифронтовую полосу.

Въ Севастополѣ, 5—6 Декабря 17 г., большевики „углубляя“ революцію, произвели „смотръ“ революціонной демократіи и устроили кровавую баню на улицахъ и по квартирамъ города. Сотни офицеровъ и интеллигенціи погибло въ тѣ дни, при страшныхъ, нечеловѣческихъ страда-

въ это время „въ бѣгахъ“.

Многимъ офицерамъ снимали головы и, вѣшая ихъ на штыки, товарищи „революціоннымъ“ маршемъ продефилировали по главнымъ улицамъ города. Подъ гимнъ интернаціонала, „гнѣвъ“ народа перекинулся и въ другія города Крыма. „Красный“ терроръ жестоко прокатился тогда по Ялтѣ, Феодосіи, унося за собой сотни жертвъ. Картина ужасовъ была поистинѣ чудовищна и главари погромовъ, рѣзни пировали и веселились. Бросали живыхъ въ море, подвязавъ камни къ ногамъ; на глазахъ мужей, отцовъ насиловали женъ и дѣтей; повсемѣстный грабежъ и пьянство бѣсновавшейся и купавшейся въ крови „революціонной демократіи“ дополняли картину, вѣрнѣе, прелюдію къ торжественному началу величайшей симфоніи—„диктатура пролетаріата“.

И кто-же былъ убійцей, палачомъ интеллигенціи въ Крыму и, въ частности, Черноморскаго флота, т. к. послѣдній въ эти дни не только разложился физически и нравственно, но и фактически выбылъ изъ строя, какъ боевая единица. Крайне мизерная личность во всѣхъ отношеніяхъ, даже и среди самихъ матросовъ! Имя этого „героя“ мнѣ не разъ потомъ приходилось встрѣтить въ періодической прессѣ и я всегда не мало поражался тому, какимъ образомъ этотъ субъектъ, въ полномъ смыслѣ обиженный судьбой и Богомъ, могъ занять на страницахъ исторіи, хотя и подленькое, но все-же имя.

По пріѣздѣ своемъ въ Москву, я тотчасъ-же столкнулся съ цѣлымъ рядомъ неожиданныхъ сюрпризовъ и пережилъ массу различныхъ непріятностей. Прежде всего, еще на вокзалѣ, съ меня сорвали погоны, осмотрѣли мой скромный багажъ, пытливо опросили откуда, кто и какъ и, только послѣ всего этого, мнѣ было дано разрѣшеніе на право выхода со станціи.

Въ квартирѣ, гдѣ я остановился, съ меня немедленно потребовали „curriculum vitae“ для представленія въ „домовой комитетъ“ и мѣстный Комиссаріатъ. (И это тогда, когда я фактически числился дезертиромъ?!) Ни службы, ни сбереженій у меня не было и картина моего будущаго была болѣе чѣмъ сѣренькой. Несмотря на всѣ „дефекты“ моего соціальнаго положенія—офицеръ журналистъ, (по терминологіи большевиковъ „буржуй“ и „контръ-революціонеръ“) я все-же рѣшилъ остаться на нѣкоторое время въ столицѣ, въ надеждѣ или гдѣ нибудь пристроиться, или же ждать

счастливаго случая—паденія большевиковъ. Въ недолговѣчность власти большевиковъ всячески старались вѣрить всѣ, въ особенности интеллигенція и варіацій на эту тему было болѣе чѣмъ достаточно. Первые три-четыре мѣсяца большинство трудовой интеллигенціи еще не достаточно отдавало себѣ отчетъ въ происходившихъ событіяхъ и, несмотря на усиливавшійся терроръ и всяческія притѣсненія со стороны большевиковъ, мирилось со своимъ положеніемъ и кое-какъ продолжало влачить свое полуголодное существованіе. Періодическая пресса, правда, мѣняя чуть-ли не ежедневно свои названія, еще дышала, инженеры, юристы, да и другія интеллигентскія профессіи приспособливались къ моменту, находя себя заработокъ трудъ и по иной спеціальности; въ массѣ же каждый мечталъ и лелѣялъ надежду какъ-бы скорѣе вырваться изъ коммунистическаго омута и зажить привычной для нихъ жизнью. И только лишь чиновники и служащіе правительственныхъ и городскихъ учрежденій—„саботажники", т. е. тѣ, кто въ первые дни Октябрскаго переворота, рѣзко всталъ въ оппозицію большевикамъ, объявивъ забастовку, продолжали оставаться не у дѣлъ, терпя голодъ, холодъ и невѣроятныя лишенія. Думается, что не ошибусь, если скажу, что въ тѣ дни это были лучшіе, идейные люди изъ всей русской интеллигенціи, хотя-бы потому, что они честно и активно дѣйствовали по чувству совѣсти и волѣ разума. Не взирая ни на ужасающую дороговизну, ни на полное отсутствіе средствъ къ существованію, ни на возможность окончательно потерять послѣдній источникъ къ существованію—службу, они сознательно и съ достоинствомъ не пожелали оставаться вмѣстѣ съ „мародерами бѣдности". И дѣйствительно, большевики впослѣдствіи не только не оправдали себя въ ихъ глазахъ, не выполнили данныхъ имъ обѣщаній, но и окончательно разорили, опозорили, дерзко, грубо и жестоко изнасиловали ихъ волю, желанія, мало того, всесильная „Че-ка" наложила свою сатанинскую руку даже на право ихъ жизни.

„Саботажъ" трудовой интеллигенціи имѣлъ колоссальныя послѣдствія на все будущее большевизма и, если суждено будетъ Совѣтской Республикѣ развалиться, то, конечно, не малая въ томъ заслуга именно тѣхъ, кто не открылъ, а перепуталъ карты государственнаго механизма страны, завязалъ „Гордіевъ узелъ", предоставивъ мудрецамъ „коммунистическаго рая" показать всему міру чудеса своей изворот-

ливости, ума и талантовъ.

Какъ-же реагировали на захватъ власти большевиками всѣ тѣ, кому было и больше дано и кто больше всего претендовалъ на неотъемлемое право государственнаго и культурнаго строительства въ странѣ? Союзы—адвокатуры, инженеровъ, врачей, учителей и другіе, наконецъ и „буржуазная“ пресса продолжали свое „творчество“, оправдываясь тѣмъ, что организаціи ихъ, или „безпартійныя“, или же, наоборотъ, что сама профессія и нравственный долгъ ихъ требуютъ оставаться до послѣдняго момента на мѣстахъ и вести самую широкую противобольшевистскую агитацію и пропаганду. Такъ-ли?! Союзъ московской адвокатуры, до осени 1918 г., никакъ не могъ даже собрать „кворума“ для выясненія политической своей платформы по вопросу объ отношеніи его къ большевизму; союзъ техниковъ и инженеровъ въ первые же дни окончательно разсыпался, развалился; союзъ врачей никакъ не реагировалъ тогда, да и до сихъ поръ остается „аполитичнымъ“; пресса, не только не осталась вѣрной своимъ задачамъ и миссіи, но и, мѣняя свой обликъ,—„программу“, въ началѣ 18 г. окончательно „надломила“ свои нравственныя силы и должна была ходомъ событій сойти со сцены политической жизни страны, уступивъ свое мѣсто новымъ людямъ—демагогамъ и проповѣдникамъ коммунистическихъ началъ въ міровой жизни народовъ.

Вновь появившіяся газеты „Наша Родина“, „Миръ“, „Честное Слово“ и другія, издававшіяся въ 1918 г. въ Москвѣ и др. городахъ, фактически только укрѣпляли позицію большевиковъ, давая имъ матеріалъ для критики и дискредитированія всѣхъ классовъ народонаселенія, стоявшихъ имъ въ оппозиціи.

Но слѣдовало-ли вообще продолжать въ тотъ моментъ „литературную“ дѣятельность и не лучше—было-бы, хотя-бы на время, самимъ сойти со сцены общественной дѣятельности, какъ сдѣлали это „саботажники“? Мягкотѣлость и приспособляемость трудовой интеллигенціи только были на-руку тѣмъ-же большевикамъ уже потому, что союзы „de facto“ существуя и не имѣя возможности удовлетв[illegible] своихъ членовъ какъ трудомъ, такъ и матеріально (выдачей субсидіи), волею рока бросали безработныхъ на службу въ различныя большевистскія организаціи: продовольственные отдѣлы, комиссаріаты и, даже, въ ту же большевистско-коммунистическую прессу. А такихъ примѣровъ болѣе чѣмъ нужно! Почти вся

интеллигенція, въ первые же дни большевизма, правда, не записываясь ни въ коммунистическую партію, ни въ „отвѣтственные“ работники, фактически сама пошла на службу къ большевикамъ, увѣряя другихъ и убѣдивъ себя въ томъ, что поле дѣятельности, избранное ими, ничуть не расходится съ „принципами чести“ всякаго порядочнаго человѣка, а, напротивъ, присутствіе всѣхъ ихъ на мѣстахъ постояннаго жительства, можетъ оказать впослѣдствіи рѣшающее значеніе.

А сколько такихъ „безпартійныхъ“ пристроилось въ различныхъ „аполитичныхъ“ кооперативахъ въ Сов. Россіи и даже въ отдѣлахъ... пропаганды?!

Въ противобольшевистскихъ арміяхъ г-овъ Деникина, Юденича, Миллера и адм. Колчака „мозгъ страны“ былъ въ крайнемъ мизерномъ составѣ и почти никого не было изъ тѣхъ, кто такъ „гордо, сказочно, красиво и убѣжденно“ когда-то заполнялъ столбцы „либеральныхъ“ газетъ своими смѣлыми статьями. Въ бытность мою, въ 1918 и 19 г.г., въ Новороссійскѣ, Екатеринодарѣ, Ростовѣ, Царицынѣ, Симферополѣ, Севастополѣ, Керчи и др. городахъ, постоянно чувствовалось крайняя нужда въ профессіональныхъ работникахъ пера, въ людяхъ получившихъ на этомъ поприщѣ достаточный стажъ и опытъ, мало того, достаточно образованныхъ и освѣдомленныхъ въ политическихъ вопросахъ страны и міровыхъ задачахъ соціально-культурнаго характера.

Въ Центральномъ «Освагѣ» (культурно-просвѣтительный и агитаціонный отдѣлъ) въ г. Ростовѣ, въ „литературномъ отдѣлѣ“, почти никого не было изъ дѣйствительно-достойныхъ занять въ немъ почетное мѣсто—начальника отдѣла и такимъ образомъ, тѣ милліоны которые были затрачены на агитацію и пропаганду, конечно, были использованы не только не продуктивно, но и нерѣдко во вредъ Д. Арміи.

Плакаты, брошюры, воззванія, издававшіеся „Освагомъ“ носили настолько лубочный характеръ, настолько были безсодержательны и безсмысленны, что большинство, для кого они были предназначены, относилось къ нимъ не только скептически, но и отрицательно. „Литературу“ солдаты, рабочіе и крестьяне, не читая бросали, жгли, или просто завертывали на „цыгарку“...

Плакаты „о Страшномъ Судѣ“, „Врангель на бѣломъ конѣ“, провокаціонная брошюра „Сіонскіе протоколы“, „біографія ген. Шкуро“ и др. вызывали у многихъ не только горькую усмѣшку, но и органическое отвращеніе къ худо-

жественному разврату, профанаціи творчества въ искусствахъ, и наукѣ

Надо замѣтить, что въ самомъ Цент. Освагѣ и его многочисленныхъ отдѣлахъ и отдѣленіяхъ, сидѣли тысячи молодыхъ боеспособныхъ „геніевъ и талантовъ"; тысячи шли за ними на постромкахъ ведя безконечную переписку и корреспонденцію съ такими же тысячами агентовъ изъ различныхъ „информаціонныхъ бюро"; тысячи были разъѣздными агентами, контролерами, словомъ „Освагъ" представлялъ собой такое зловонное болото, вонь отъ котораго специфически распространялась не только по всему фронту, но и по дальнему тылу.

А какой, дѣйствительно тихій ужасъ представляла собой періодическая, прифронтовая пресса въ арміи ген. Деникина, да и другихъ добр. арміяхъ. Сенсаціоннымъ „достовѣрнымъ" извѣстіямъ вплоть до 1921 г. не было конца; три года изо дня въ день печатались по трафарету и шаблону „передовыя"; завѣдомо ложными „информаціями" почти все время питали добр. армію исключительно для подъема „настроенія" въ порѣдѣвшихъ ея рядахъ; о реальной, вооруженной помощи со стороны „союзниковъ" въ положительномъ смыслѣ, сообщалось почти повседневно и, такимъ образомъ, ничуть нельзя удивляться тому, что противобольшевистскія арміи, опиравшіяся на „здоровый тылъ"—„Освагъ" и ему подобныя учрежденія, быстро развалились, разсыпались и, при сравнительно небольшихъ потеряхъ въ людяхъ на боевыхъ участкахъ, „планомѣрно" отступили до... Новороссійска.

Въ тревожные дни страны—германской войны, Февральской революціи, Октябрскаго переворота, русская интеллигенція, къ величайшей скорби не только для самихъ русскихъ, но и для всего славянства, пожалуй, всего культурнаго міра, не съумѣла не только удержаться на своихъ позиціяхъ, но и главное, въ дни революціи выполнить—той героической роли, миссіи, которыя, ходомъ историческихъ событій, перекинулись на Востокъ Европы—въ Россію. Рудины, Чацкіе, Обломовы, Pierr Безуховъ, а тамъ Базаровы, да и другіе, снова проспали величайшій, сказочно-красивый, легендарный моментъ въ исторіи жизни русскаго народа, уступивъ свое мѣсто современнымъ Штольцамъ, „поденно" работающимъ и по нынѣ надъ созданіемъ себѣ твердой, міровой валюты!

И невольно, съ грустью вспоминались слова русскаго поэта: „суждены намъ благіе порывы, но свершить ничего не дано!“

Въ Сентябрѣ мѣс, 1918 г., въ московскомъ профессіональномъ союзѣ журналистовъ (Камергерскій пер.), въ экономическомъ обществѣ офицеровъ (Воздвиженка) и въ другихъ интеллигентскихъ организаціяхъ, можно было съ болью въ сердцѣ прочесть объявленія „Бюро Труда»: предлагается безработнымъ членамъ Союза переписка, нагрузка и выгрузка на станціяхъ жел. дорогъ, угля и другихъ грузовъ; въ воззваніяхъ къ населенію столицы тѣ же „Бюро Труда» обращались съ „роковыми“ словами: „продаемся съ публичнаго торга“, моля народъ дать какой-либо трудъ и заработокъ стонавшимъ отъ голода и холода семьямъ, убитыхъ на фронтѣ, оставшимся безъ средствъ инвалидамъ—офицерамъ, всѣмъ, кто по тѣмъ или инымъ причинамъ, долженъ былъ оставить службу въ дни развала страны—захвата власти въ ней большевиками.

А такихъ выброшенныхъ за бортъ „человѣческой“ жизни было десятки тысячъ только въ одной Москвѣ, не говоря уже о всей Россіи!!

Каковы же были реальныя причины катастрофы русской интеллигенціи въ дни большевизма и чѣмъ объясняется, что большинство до сихъ поръ продолжаетъ оставаться въ предѣлахъ Совѣтской Россіи? Съ одной стороны—неорганизованность интеллигенціи, съ другой—надежды на крахъ большевиковъ и, наконецъ, рядъ тайныхъ и явныхъ организацій, народившихся въ тѣ дни въ столицѣ, понуждали многихъ оставаться „на мѣстахъ“ въ ожиданіи возможныхъ событій, а главное—возможнаго государственнаго переворота въ странѣ.

Въ Москвѣ, въ Газетномъ пер,, образовалась въ началѣ 18 г. „Лига Интеллигентнаго Труда“. Предсѣдатель этой Лиги явочнымъ порядкомъ сталъ нѣкто И. С. Туркельтаубъ (д. членъ моск. профес. союза журналистовъ), редакторъ издававшейся въ то время газеты „Свободное Слово“. Не говоря уже о томъ, что при вступленію въ Лигу каждый долженъ былъ внести членскій взносъ, а такихъ было нѣсколько тысячъ, Туркельтаубъ, путемъ широковѣщательной пропаганды, привлекъ нѣсколько сотъ интеллигентовъ къ „трудовому“ заработку, создавъ себѣ «артель газетчиковъ“, которая и занималась исключительно продажей его малораспростра-

ненной то того времени газеты. Мало того что Туркельтаубъ опредѣленно спекулировалъ на кадрѣ безработныхъ, онъ еще имѣлъ дерзость объявить свою лубочную газету „органомъ трудовой интеллигенціи". Продажей газеты „Св. Слово" занимались всѣ голодные: офицеры, студенты, курсистки, чиновники, бывшіе городскіе служащіе—„саботажники" и даже дѣти—гимназисты, кадеты. Рекомендательныя конторы, которымъ не было числа въ Москвѣ, въ эти же дни дѣлали „блестящія" дѣла. Тысячи безработныхъ оставили свои „пятерки", „красненькія" и никто изъ нихъ не только не получилъ мѣсто, но и предложенія.

А сколько было заманчивыхъ рекламъ на витринахъ конторъ со спросомъ на трудъ!

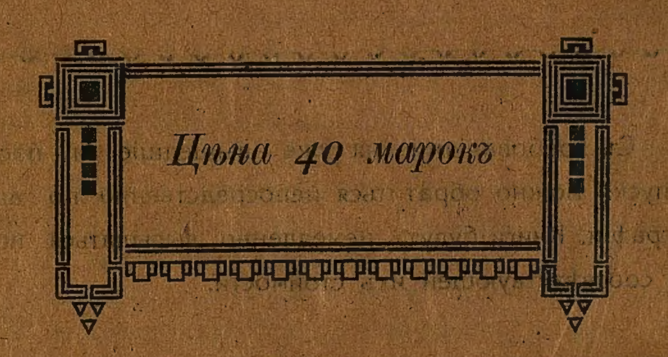
Большинство трудовой интеллигенціи кормилось или разгрузкой дровъ на рѣкѣ Москвѣ, или же пошли на „отхожій" промыселъ—рубить дрова, пилить лѣсъ, а нѣкоторые даже чуть-ли не чистить ретирады. Мнѣ посчастливилось; я взялъ на себя трудъ управляющаго не „соціализированнаго" дома (дававшаго менѣе 6000 р. въ годъ аренды) и, за 400 р. въ мѣсяцъ, (пудъ муки стоилъ въ то время 1000 р.) я принялъ на себя „юридическую" отвѣтственность, вплоть до ареста, предъ городскими административными учрежденіями—комиссаріатомъ и др. за всякія „недоразумѣнія" по дому, а главное—долженъ былъ энергично сдерживать „революціонныя" требованія квартирантовъ, преимущественно рабочихъ, вызывавшихъ меня чуть-ли не ежедневно въ „домовой комитетъ" для дачи „объясненій" по поводу задержки необходимаго ремонта квартиръ. Послѣднее выполнить представлялось совершенно невозможнымъ по техническимъ условіямъ; отсутствіе матеріаловъ и рабочихъ, такъ какъ весь „сознательный" пролетаріатъ въ это время занимался болѣе для себя выгоднымъ промысломъ—спекуляціей, мѣшечничествомъ, въ корнѣ уничтожили всякую производительность и рабочихъ рукъ, не только не доставало, но и не стало почти совсѣмъ.

Въ моментъ возстанія „бѣлыхъ" въ г. Ярославлѣ, т. е. лѣтомъ 1918 г., въ Москвѣ глубоко пустила свои корни, тайная организація—„Союзъ Возрожденія Россіи". О существованіи этой организаціи ходили разнорѣчивыя свѣдѣнія и кто стоялъ во главѣ ея, какія преслѣдовались этимъ сою-

Государственная Публичная Историческая Библиотека РСФСР 19 г.

(Продолженіе слѣдуетъ)

Съ требованіями на уже вышедшіе и послѣдующіе выпуски можно обратиться непосредственно по адресу типографіи. Книги будутъ немедленно высылаться по полученіи соотвѣтствующей ихъ стоимости.

Г. ГРОДНО—МАЙ 1921 Г.

